

Многомоче...

Антология современной поэзии

Выпуск 12

2011

Многоточие...

Выпуск 12

2011

Дорогие читатели!

В своих руках вы держите двенадцатый выпуск антологии современной поэзии «Многоточие...», в котором опубликованы поэтические произведения современных авторов, пишущих на русском языке.

Для многих из наших авторов публикация в антологии стала первой в подобном печатном издании и, надеюсь, этот важный шаг не станет последним в писательской карьере.

В то же время, на страницах нашего сборника вы найдете произведения уже давно состоявшихся поэтов. В качестве примера приведу публикацию Виктора Батраченко, который в 2010 году стал обладателем литературной премии «Автор года», учрежденной литобъединением «Многоточие...».

Конечно же, Виктор Степанович - не единственный автор, с чьим творчеством я, как составитель сборника, рекомендую вам познакомиться.

В данном выпуске антологии вы сможете найти много интересных и самобытных авторов, пишущих в различных поэтических жанрах.

Желаю вам приятного путешествия по миру современной поэзии...

С уважением и наилучшими пожеланиями,
составитель сборника «Многоточие...»
Глухов Сергей

Ольга Абайкина

г. Москва, Россия

Тепло Покрова – роздых до зимы

Тепло Покрова – роздых до зимы.
Природа к холодам почти готова,
Когда метели, затаив псалмы,
Отпустят боль под истинное слово.

Тепло нездешнее – снега на Покрова
Моей земле измученной привычной.
И золотая клёна голова
В нём кружится от счастья в жизни личной.

Тепло в туманы окунув дома,
Пророчит в сны и тем, кому не спится;
И зорко, словно око без бельма,
Следит за нами древняя столица.

Тепло и тонко поздняя листва
Дрожит в предчувствии суровых казней.
Да, прихоть осени, конечно, не нова,
Но мы себя обманом тёплым дразним.

Глазами, что цветущий лён

Глазами, что цветущий лён,
Он маме говорил: «Влюблён!»
Душою про опавший клён
Пел той, в которую влюблён.

Свободен был, как вождь гулён,
Но стал рабом... и был влюблён...
Судьба послала двух сластен
Им с той, в какую был влюблён.

Как будто в сказке про «Олён»,
За что-то (в том Господь силён)
Его с младенчески пелён
(Ужель за то, что был влюблён?!),

Как бестолковый почтальон,
Что к дикой цели устремлён,
Ветрами дум не усмирён,
Дождями, снегом окроплён,

За ложь людьми не посрамлён,
В поту, что, как прибой солён,
Он, словно деспот головён,
Забрал... и тем был окрылён...

Легко, как дитяtko матрён...
Главы семьи был дом лишён.
Назвав сиротками сестрён,
Был Он поистине смешён.

Мать! Голод страсти утолён,
И дух любовью утеплён,
Надеждой стойкой укреплён,
Путь к счастью верой просветлён.

Но Он упорен: смертный сон
Не пропустил к нам мамин стон.
И словно полчища ворон,
Накинулись на сей урон.

Пусть мозг утратой воспалён,
И разум горем ослеплён,
И каждый, в срок опавший, клён
Скорбит коленопреклонён.

Но утешает, что милён
Союз на вечность Им продлён...
И дарит каждого: «Влюблён!»
Очей отца цветущий лён.

Какая-то любовь пыталась сниться

Какая-то любовь пыталась сниться,
Ресницы сны листали до утра,
Послушно, не замяв мечты страницы,
Сегодня превращая во вчера.

И вытащив тебя из дальней дали,
Как грустный, но логический итог
Феерией безумств моих воздали
За верность и неверность между ног.

А между строк читалось, словно в книжке,
Про вскрытый сердцем мой самообман,
Когда от скуки лёгкую интрижку
Я набело писала, как роман.

Не стало легче, горше мне не стало

Не стало легче, горше мне не стало,
На людях не рыдаю, не грущу,
Глас не дрожит под нотками металла,
Когда слезу срывает глаз прищур.

Сознание, помня, как душа летала,
Решает бесконечную задачу,
Используя известные лекала:
Я не скулю, я не ропщу, не плачу.

Где горечь беспросветная упала,
Прогнив в тепле до гумуса мечты,
Без остроты минувшего запала
Надеждою насеяны цветы.

Для орошения раздобыть бы поршень,
Не иссушить бы, тем на смерть обрекши,
Бывает, что её на свете горше ль?
И как мне быть, чтоб сердцу стало легче...

На город ночь легла изнемогая

На город ночь легла изнемогая,
Как Клеопатры ветреность на Гая,
Жар дня приняв в прохладу чёрной кожи,
Шептала томно: Нет тебя дороже!

Как в лоне страсти без следа тонули,
Наложники египетской пилюли,
Пред каковой не устоял и Юлий,
Он растворялся в сумраке июлей.

И утолённого на время отпускала,
Сокрыв, что ей, греховной, вечно мало,
Как царственная шлэнда утром Цезаря,
А краской залилась в конце... заря.

Я не могу, пойми, слагать тоску

Я не могу, пойми, слагать тоску
И не хочу склонять одни стенанья,
Тем по чужому жалкому мазку
Восстановить основы мирозданья;

Чьи, архитектор человеческих душ
От непотребств людских сложил в архивы:
И сам чертёж за то, что неуклюж,
И за размытость планов, негативы.

Без них я свой слепила теремок
Из теплоты без шика и уюта,
Но те, кто от невзгод совсем продрог,
Бредут к нему и хвалят ... почему-то...

Я не спала, как две зимы назад

Я не спала, как две зимы назад,
До самого холодного рассвета,
И в окна не ломился снегопад,
Земля была заранее одета.

Где память, словно горницу тепла,
Закрывает давней болью злая стужа,
А в ней души усердная метла
Из прошлого весь сор метёт наружу.

На нас защитой мамин льётся взгляд,
А разум ищет глупые приметы
Два лета, две зимы, две осени назад,
Тишь родилась над безответным: «Где ты...»

С высот, что недоступны для орла,
Наверно, всё тут видится иначе.
Я не спала, а мама умерла,
Себя кляла... тогда... теперь клян, тем паче.

Улыбкой небо залатаю

Улыбкой небо залатаю,
В ладони звёзды соберу,
И выйдет осень золотая
Встречаться с летом на юру.

Обеим птицы, улетаю,
Доверят крепкие крыла,
Как паутинка, мысли витая
Мелькнёт: «А так ли я жила?!»

Мне в детстве косы заплетая,
Давала бабушка совет:
«Удача, словно птичья стая:
Сегодня тут, а завтра нет...»

Судьба, без удержу болтая,
Поставит ряд своих задач –
Как чудо древнего Китая:
Хоть бей башкой, хоть стой и плачь!

И опыт жизни обретая,
Сметёшь ты тысячи преград,
Сверяясь с чистотой Алтая
Решенье: «Рад?! Али не рад...»

И ни одну проломишь стену,
И ни один отыщешь брод,
Пока: «Я до души раздenu!»
Тебе не скажет весь твой род.

И оказавшись без покрова,
Мудра, как истина сама,
Она, потребовавши Слова,
Вдруг изречёт: «Пришла зима!»

Как жить, её, чудачку, грея
Тем, что ложится под перо?!
Да, так же, как до юбилея,
С девизом: «Победит Добро!»

Я не забыла боль души

Я не забыла боль души,
Но я Тебя за всё простила.
А Ты смеяться не спеши,
Не боль, а Дух придал мне силы.

Когда не видела ни зги,
И мрак почти трубил победу,
Он, а не Ты мои мозги,
Перемолов в труху, не предал.

Я б возгордилась, что сама
Сумела справиться с невзгодой,
Когда бы горе от ума,
Погодой ведало иль модой,

Но звоном истины в тиши,
Глубинный стержень – крепость духа,
Всплыл иронично: «Не смехи!
Богам привычней оплеуха!»

Я играла словами, и голос

Я играла словами, и голос,
Как со струн, с бытия соскользал,
Пока с дуру им не напоролась
На пророчества, как на кинжал.

И вертела, безумная, в ране,
Им куроча, корёжа края,
Зачеркнув всё, что писано ране,
Дух на новую данность кроя.

Обжигая, губя, ослепляя,
Выжимала рассвет из свечи,
Принимая из уст попугая,
Как спасение: Всё! Замолчи!

И теперь, я не та, я другая...
Мне дороже, не окрик, а тишь,
Каждым мигом Тебя постигая,
Я играю... когда Ты молчишь...

Время чёрно-белых фотографий

Время чёрно-белых фотографий
И кристально-алых миражей
Проиграло времени понятий,
И героев выгнанных взащей.

Время чёрно-белых фотографий,
Властью долго правящих мужей
Бремя нарождающихся мафий
Возложило на плечи пажей.

Время чёрно-белых фотографий,
Не железных, а живых коней,
Стремя поддержав для эпитафий
Вскачь пустило эскадрон теней.

Время... Или люди, как на блюде,
С кровью, от себя урвав кусок,
В рот нам положили... для прелюдий
Счастья, затянувши поясок.

Мы ли? Капитал надежд отмыли
До абсурдно-жалкой пустоты?
Время? Люди чёрно-белой были?
Кто-то? Что-то?! Или, всё же, ТЫ?!

Когда судьба ступает королевой

Когда судьба ступает королевой,
И разум подчиняться ей велит,
Дух покоряясь следует за Евой,
Путь отступной оставив за Лилит

Когда душа, метнувшись вправо, влево,
Свой приговор воспримет, забурлит
Всё то, за что, предав, боролась Ева.
Соль вареву добавит плачь Лилит

Когда испытанный на самом-самом,
Всё до уголей фатум опалит,
Не Евой понят будет, не Адамом,
Смысл бытия, а низменной Лилит.

Когда в смешной игре добра со змеем,
Себя Господь до сути разозлит,
Беспечно холодея-пламенея,
Отроет Имя тишина Лилит.

Да... И когда девическая плева
Пред неуёмной страстью устоит,
С Адамом в Рай вернуться сможет Ева,
А на земле останется Лиит.

Не в силах вынести потерю

Не в силах вынести потерю,
Я повторяла сотни раз:
«Не может быть! Я сплю! Не верю!»,
Боль выставляя напоказ.

Скорбь сердца выпростав наружу,
Я проклинала декабри,
В душе удерживая стужу,
Мир умоляла: «Забери!»

Тем выжав до седого пепла
Из слов и воду, и огонь,
Казалось, духом я окрепла,
Вселенной вымолвив: «Не тронь!»

Застыв пред образом печали,
Ловила в пламени свечи,
Из фраз, что дикостью кричали,
Прощеньем мамино: «Молчи...»

Почти смогла, лишь Божьи твари
Поймали то, что жгло внутри.
Три года... Три! Средь прочей гари,
Три слога просьбы: «Говори...»

Не Богу, Он не слышит... Зверю!
Метели! Лето не поймёт,
Как приговор несу: «Не верю!
Врёт! До кристальной сути лёд!»

Не понимая, как права я,
Тепло, как ржавая игла,
Живая строчка черновая
Прошила снег: «Не сберегла...»

Когда душа поёт, смолкает муза

Когда душа поёт, смолкает муза,
И космоса расплавленного хлад,
Не творческого требует союза,
А к истинному таинству возврат.

Чтоб без конца, начала, дна и края,
Чтоб всё, о чём не говорится вслух,
Как Божий перст шутя, с огнём играя,
Впитал в себя Любви единый Дух!

Виктор Батраченко

г. Воронеж, Россия
Лауреат премии «Автор года» 2010
Литобъединения «Многоточие...»

Словесных неточностей скрытая суть

В словесных неточностях столько всего...
Но как неожиданно вкусно, и ловко
Звучит-выпеваётся строчка-обновка!
И нет объяснения, как слово легло.

Смещённый акцент, что едва уловим,
Туманный намёк, доходящий отчасти,
И что-то ещё... Из неточностей Мастер
Такое творит – не под силу другим!

Словесных неточностей скрытая суть,
Мгновенно цепляя, доходит не сразу,
Но эту не слишком обычную фразу,
Однажды услышав, попробуй, - забудь!

Вкушаю стихов настоящих вино,
Смакуя, неспешно цедя по глоточку,
Душой дегустируя каждую строчку,
До дна выпиваю. А дно не одно...

Полегли ковыли

Ветер ленив, летний зной нестерпим,
сникли валы ковыля...
Марева волны дыханью степи
вторят. В морщинах земля...
Трещины рвут чернозёма пласты –
засухи норов суров.
Лижет дубравы Засечной черты
пламя. Скелеты стволов,
к небу воздев в безутешной тоске
сотни обугленных рук,
просят дождя... Миражом вдалеке
видится озера круг,
берегом – сочной осоки кайма,
лодочка режет волну..
Впору сойти потихоньку с ума...
К озеру тянет, к нему!

Снимет усталость с натруженных ног
(лишь бы добраться!) вода...
Но к миражам нет ни троп, ни дорог -
их не достичь никогда.

Шаг прибавляю, но тает вдали
озеро. Было и – нет...
Зной нестерпим. Полегли ковыли.
То ли - мираж, то ли - бред...

Расплачиваться надо

Не сразу, непростой ценой
приобретён души покой!
Как зыбок он и хрупок...
Увы, нирване, грош – цена,
когда она обретена
путём продаж, уступок.

Живущие обречены
определять размер цены
шагов и слов, и взглядов.
Но сделан шаг и брошен взгляд,
и слово не вернуть назад –
расплачиваться надо.

Спешу вперёд и о цене
не часто удаётся мне
задуматься, не скрою...
По жизни путь необратим,
а груз просчётов ощутим -
вот это беспокоит...

Триста поцелуев до рассвета

Триста поцелуев до рассвета,
Или больше? Кто же их считает...
Если не любовь, то, что же это?
Кроме нас с тобой никто не знает...

К встрече, нам дарованной судьбою,
С неба непрерывно – звездопады...
Во вселенной, кроме нас с тобою, -
Никого... Да нам их и не надо.

Небосклон уже светлей немного,
Гаснут звёзды, свет от них неярк...
Не считай, не надо, ради Бога,
Поцелуй... Каждый, как подарок...

Двести поцелуев до рассвета,
Или сто, а, может, только двадцать...
Не считай, с тобою бабьим летом
Я хочу без счёта целоваться!

«День уходящий притих...»

День уходящий притих -
тоже устал – не в новинку...
Небо над нами – с овчинку,
хватит её на двоих.
То, что мала – не беда,
только прижмёмся теснее...
Общие сны нам навеет
старый Морфей, как всегда.
В снах этих общих, порой,
нет ни конца, ни начала...
Длятся они слишком мало,
но успеваем с тобой
взмыть в беспредельную высь,
долго парить невесомо,
рушиться в бездну и снова,
крылья расправив, нестись...

Судьба волчат

Как много маленьких волчат
С такими взрослыми глазами,
Живущих по соседству с нами...
Не только есть они хотят,
Им очень не хватает детства,
Заботливых и тёплых рук.
Случилось это всё не вдруг...
Бездомные. Куда им деться?
Вокзалы, норы теплотрасс,
Дворы сквозные проходные...
Ты, проходным двором, Россия,
Давно ли стала? День и час
Начала нашего паденья

Не назову, не в этом суть,
Не нами выбран этот путь,
Но не дожидаться нам прощенья
От этих маленьких волчат
За безразличие, невниманье,
Они в борьбе за выживание
Черствеют сердцем. Не простят...
А те из них, кто выйдет в люди,
Пробьётся, свой построит дом,
Сумеет ли устроить в нём
Мир детства? Забегать не будем,
История рассудит нас,
Осудит за волчат бездомных...
Дай Бог, чтоб блеск их глаз огромных
При нашей жизни не погас.

Память дарит слова

Память – в прошлое след. Мне оттуда приходят слова,
их поймать не всегда удаётся – легки, невесомы,
но лишь мне одному и понятны они, и знакомы.
Чередой приходят они, память трону едва,
и на нынешний день удаётся взглянуть по-иному.

По орбите Земля завершает виток-оборот,
добавляя забот, приближая к конечному сроку,
и всё чаще приходят простые слова, о высоком –
недосуг... Возвращая минувшее, память не врёт,
констатируя жёстко, порой, откровенно жестоко.

Память дарит слова, но не всякое ляжет в строку,
я тревожу её, чтоб она подсказала другое.
Выбираю лишь те, что царапают и беспокоят,
отметая пустышки и те, что у всех на слуху,
оставляю лишь те, что проходят проверку душою.

Не хватает чего-то

Настроение вылилось в строки...
Обессилен поэт, но доволен –
он сумел звон густой с колоколен
передать и шуршанье осоки,
потревоженной ветром с востока,
и закат, остывающий в море,
передать интонацию горя
в крике чайки – и ей одиноко...

Написал, что ничто не случайно, -
не бывает ни в чём абсолюта...
Кратковременна счастья минута,
грусть тягуча... Светло и печально...
День и ночь... Расставанья и встречи...
Лёд и пламень... Паденья и взлёты...
Всё не то. Не хватает чего-то...
Снова корчится рукопись в печке.

От судьбы не улетим

Осень грустная. Дожливо.
В стае сизых голубей
мокнет ангел сиротливо,
настоящий – эко диво!
Мокрый, мела он белей...

Появился этим летом,
но теперь всё время здесь,
на виду. Не мне ли весть
он принёс? Молчит об этом,
абсолютно белый весь...

Вижу ангела, но странно –
незаметен он другим...
Стая мокнет вместе с ним...
Этот дождик окаянный...
От судьбы не улетим...

Они сегодня – лишние

Ложатся судьбы списками
На чёрный коленкор.
С портрета взгляд Дзержинского,
Пронзительный – в упор.

Замотанный допросами
Начальник за столом
Весь день воюет с осами,
Прихлопнет – поделом!

На вишни лезут смелые,
Нахальны, голодны...
А вишни в миске спелые,
Как на подбор, крупны!

Сок - будто кровью брызжет!
Действительно - похож...
Подвинул список ближе.
- Полста один! Ну, что ж...

По именам и отчествам...
Всех – к стенке, заодно!
Но нынче месяц кончился,
И сделан план давно...

Отставил миску с вишнями,
Поправил козырёк...
- Они сегодня – лишние,
Пусть поживут денёк...

Повторяется всё

Повторяется всё, потому, что предельно просто
Алгоритмы общенья, условия жизни – убоги...
И не важно - насколько я глуп и удачлива ты,
И с какой это стати тебе улыбаются боги...

Примитивна, циклична и необратима спираль,
По которой идти предстоит то поврозь, то совместно...
Так устроено: жизнь, то – трагедия, то – пастораль,
В ней не слишком-то хочется что-то менять, если честно...

Посмотри повнимательней под ноги: глина и прах.
Это – всё, что осталось от тех, кто ушёл без возврата...
Впрочем, не возбраняется верить, что там – в облаках
Обитают бессмертные души усопших когда-то.

Повторяется всё: поднимается к небу трава,
Чтоб, похухнув, упасть, чтоб, успев отцвести, бросить семя...
У людей тот же путь, но отличие в том, что слова
Успевают сказать, и бессильным становится время...

Проворонил

Никаких таких интересов
Нездоровых и посторонних
Не имел я... Но мелких бесов
Проворонил. Эх, проворонил!

Был и прям, и правилен, вроде,
И, на что попало, - не падок.
Не заметил их на подходе...
Непорядок. Ох, непорядок!

Навещали в обличьях разных,
Подходили путём окольным.
И возник интерес к соблазнам
Добровольно. Да – добровольно...

Подружился с зелёным змеем
И погуливать стал налево...
Круче жизнь пошла, веселее...
Королеву мне б, королеву!

Был я прям и правилен, вроде,
Чуть не ангелом был когда-то...
Бесы рядышком - не отходят.
Знать, расплата грядёт, расплата...

Раскопки в Дубовке

Расчёска, очки, револьверная пуля...
Опять – револьверная, сплюснен конец...
Кому предназначен был этот свинец
в том тридцать седьмом, в середине июля?
Конец деформирован... Видимо, в кость
попала... Так чьи ж эти жёлтые кости?
В расстрельную яму им, не на погосте,
без плит и крестов лечь тогда довелось.
Монета – обычный советский пятак,
мундштук костяной и латунная пряжка,
другая расчёска... Как больно, как тяжело!
Привиделось мне? Нет, всё, именно, так.
В Дубовку везли на полуторках утром...
Лопаты. Задание – рыть котлован.
Старались, копали, поверив в обман...
Готово? Расстрел. Завтра тем же маршрутом -
других... Нет свидетелей, только дубы,
прощаясь, вершинами молча качали.
Всё видели, знали дубы, но молчали...

Досталось и им – ошалев от пальбы
в затылок, от криков предсмертных и стонов,
какой-нибудь сентиментальный палач,
которому всё ещё слышался плач,
стрелял по дубам, не жалея патронов...

.....
Раскопки в Дубовке. Вот новая пуля,
опять – револьверная, сплюснен конец...
Чью жизнь подытожил бездушный свинец,
в том тридцать седьмом, в середине июля?

Проигранные дни

Ещё один закат погас...
В природе всё помимо нас
и даже - вопреки.
За поворотом поворот...
Куда течением несёт
медлительной реки?

Счастливой жизни чёрствый хлеб,
пересечения судеб,
проигранные дни...
Возникновение проблем...
Любовь и ненависть... Зачем?
Случайны ли они?

А время, между тем, вперёд
неумолимо нас влечёт.
Что там, вдали – как знать?
То спуск дороги, то подъём –
мы долго шли по ней вдвоём
и стали уставать...

С чего, с недавних пор, мой Бог,
стал состоять наш диалог
из пауз и длиннот?
Молчим... А жизнь так коротка!
Плывут в молчанье облака...
Случаен их полёт?

Птица Гамаюн

Мне снова и снова по осени снится,
что я бесшабашен и юн,
ко мне прилетает волшебная птица
с прекрасным лицом – Гамаюн.
С Востока является перед рассветом,
вещает, и внемлю я ей,
и вижу, что старость моя ещё где-то
вдали, что никто из друзей
меня не покинул, родители рядом,
неопытен я и безуспешен...
Я знаю, о чём мне спросить её надо,
но правду услышать боюсь.
Мне хочется, чтобы на дереве голом
сидела она за окном,
вещала, но, чтоб не спешила со словом
о скором уходе моём...

Жизнь - прогулка

В потаённых глубинах души
От себя самого столько прячу...
Бродят тени надежд на удачу...
Ах, как были светлы, хороши
Перспективы! Но вышло иначе...

Чёрно-белые видятся сны,
В них падения в бездну, полёты
И в затылок дыхание чьё-то,
И щемящее чувство вины
За ошибки мои и просчёты.

В потаённых глубинах души,
В лабиринтах её, в закоулках
Прячу сны... Учащённо и гулко
Бьёт в виски в предрассветной тиши:
«Жизнь – прогулка... прогулка... прогулка...»

Виталий Бондарь

г. Калинковичи, Беларусь

Из цикла «ЭХОСЛОВ»

слова, слова
повтор вчерашних истин
ежедневник

учиться у деревьев благородству
смирению садовника
молчанье

гончарный промысел
тепло из рук
по кругу

опустошить
нельзя
наполнить

художник случай
закономерность мастер

эмоций переходный возраст
фуршетный выхлоп
холостой

былинный сказочник
фотограф-пейзажист

праздник графоман
рифмует слово любовь

в развернутом окне
почтовый голубь
гость

* * *

тихое стихосплетение
вязи снежного кружева,
словно лекарство наружное
втерлось в мое вдохновение
и заискрилось нежностью
в сердце за ночь оттаявшем
на черно-белых клавишах
мартовской неизбежности

Прошлогодние письма

*«А листья - пусть лежат они
под снегом, ржавчина природы».*
А.Тарковский

На ветви нанизав, как бисер,
весной набухшие слова,
не отрясайте листьев-писем,
когда состарится листва.
Они мелки и неприметны
среди сонма жёлтых двойников -
татуированные метки
под шевелюрою садов.
В привычном зимнем обиходе,
декабрьском непробудном сне,
напрасной колкостью погоде
напоминают о весне.
То ли в укор, то ль в утешенье,
два-три листочка меж ветвей
взирают с верой в воскрешенье
из мельхиоровых сетей,
как добрый знак о самом главном –
среди осыпавшихся слов,
предвосхищают неустанно
перерождение садов.

Сергей Бузычкин

г. Астрахань, Россия

Осень в сердце

Осень в сердце пришла весной...
Неожиданно... как-то... вдруг...
Лишь вчера ты была со мной,
Разомкнуть не спешила рук.

Но сегодня – отдельный путь,
Ты не хочешь играть дуэт.
Я просил тебя: «Рядом будь»,
Ты же твёрдо решила: «Нет!».

Нет, конечно же, ты – не враг,
Но, наверное, и не друг.
Осень в сердце пришла вот так
Неожиданно... как-то... вдруг...

Неизвестной тропой лесной
Ухожу от привычных дней.
И никто не идёт за мной –
Одиночество лишь на ней.

Так проходят недели зря,
И растеряны все мечты.
Отрывного календаря
Опадают на пол листы...

И кружится такой листок
На ветру из обидных фраз.
Раньше он воспарить бы мог, -
Но не может, увы, сейчас!

Мир вокруг – он теперь иной,
Происшествий замкнулся круг.
Осень в сердце пришла весной...
Неожиданно... как-то... вдруг...

Опадают на пол листы
Отрывного календаря.
И весну забираешь ты...
Значит, осень теперь – моя...

Она сидит за столиком в кафе

Она сидит за столиком в кафе.
Вокруг неё застыла тишина.
И то, что невозможно описать в одной строфе,
Скрывает глаз бездонных глубина –
Она темна...

О, сколько в её взгляде доброты!
О, сколько в её голосе тепла!
Хочу навеки в памяти прекрасные черты
Запечатлеть, чтоб рядышком была...
Она была...

Её духов волшебный аромат
Меня уносит в дивную страну,
В которой каждый навсегда остаться был бы рад,
Чтоб находиться у неё в плену –
Отдаться сну...

Когда её чудесной кожи шёлк
Сумею ощутить, - то счастлив жить.
Куда бы ни уехал и куда бы ни ушёл,
Вернуться снова буду я спешить,
Чтоб рядом быть...

В твоём бокале - мерло

В твоём бокале – мерло,
В моём стакане – коньяк.
С тобою вроде тепло,
Но всё же как-то не так...

А жизнь бежит далеко,
И остановок в ней нет.
Задать вопрос так легко,
Но трудно слышать ответ.

Одна из старых картин:
Вдвоём сидим у окна,
И как бы я – не один,
И вроде ты – не одна.

В моём стакане – кефир,
В твоём бокале – шабли.
Нас разделил этот мир.
Мы вместе быть не смогли.

А жизнь бежит далеко,
И не угнаться за ней.
Налью в стакан молоко –
Запью дешёвый портвейн.

Но знаю, лет еще «дцать»
Спокойно я не усну.
Снимая маску с лица,
Всё буду выть на луну...

Баллада старого менестреля

Давно уже забыл я о дорогах,
Походах и сражениях. Прощай,
Мой верный меч. Мой щит – моя тревога,
И осторожность мне взамен плаща.
На битвы язираю с колокольни.
Так проще – не в аду и не в раю,
А на земле. Судьбой вполне довольный,
Здесь, у камина, а не там – в бою...

Уверен кто-то в том, что менестрели
Обязаны уметь держать клинок:
Иначе как воспеть, на самом деле,
Тела врагов тела, лежащие у ног,
И дух борьбы, и запах преисподней,
И свежей крови жаркую струю...
Но менестрелю дышится свободней
Здесь – у камина, а не там – в бою...

Не звал юнцов я на коней садиться
И годы красть у жизни молодой.
Пусть юноши успеют насладиться
Романтикой, любовью, красотой.
Дрожи, струна, на старой доброй лютне,
Для всех балладу мудрую спою.
Не только менестрелю ведь уютней
Здесь – у камина, а не там – в бою...

Оружие – не средство для потехи.
Война понять мне это помогла.
Я не хочу опять влезать в доспехи
И вышибать кого-то из седла.
В таверне нет ценителей таланта,
Но кормят сытно и вино дают...
И нужно находиться музыканту
Здесь – у камина, а не там – в бою...

Пусть рыцари гремят металлом ржавым;
 Неинтересен мне их вечный спор,
 Кого и кто проткнёт кровавым жалом.
 Убийство – человечеству укор!
 Мне много лет, моя звезда тускнеет...
 И я твержу у жизни на краю:
 «Быть менестрелем всё-таки честнее
 Здесь – у камина, а не там – в бою!»...

Посвящение И.С. Баху

Для него звучит органа властный голос,
 Призывая отрешиться от всего.
 В этот миг он безработен, нем и холост,
 Только музыка царит вокруг него.

И летят, как птицы, ноты и аккорды,
 Приземляясь на послушный нотный стан.
 Фанатичен Иоганн... Уверен твердо,
 Что угоден Богу, – ведь талант Им дан...

Дописал и опустил на колени
 Пред органом – повелителем души –
 Автор смертный вечных тех произведений,
 Что смогли достичь божественных вершин.

Panta rei...

Panta rei...
 Всё вокруг меняется,
 Увлекая нас круговоротом.
 Время и надежды удаляются,
 Финиш приближая год за годом.

Внуки подросли... Взрослеют правнуки...
 Мир изменчив со времён Адама.
 Пролетают Цаган Сары, Хануки,
 Первомаи и Курбан-байрамы.

Колизеи, пирамиды рушатся,
 Быстро вырастают небоскрёбы.
 Но, как прежде, мы торгуем душами.
 Бизнес – от рождения до гроба.

Катятся колеса мироздания
 По дороге, вымощенной нами,
 Причиняя боль. И все старания –
 Бесплезны. И молитвы в храме

Не спасают смертных от старения,
Но с годами делают мудрее.
Ждём – придёт другое поколение.
И надежда есть... Ведь...
Panta rei...

Знаю, это не в Вашем стиле

Знаю, это не в Вашем стиле,
Но, забыв обо всем на час,
В эту ночь Вы меня любили –
Экспрессивна и горяча –

Королева! Возможно, мстили
Так... кому-то... в который раз...
В эту ночь Вы меня любили –
Я оружием был для Вас!

Разделяют года и мили
То, что было, и то, что есть...
В эту ночь Вы меня любили
Безрассудно! Какая честь!

Без колец и без смен фамилий,
Мендельсона не слыша плач,
В эту ночь Вы меня любили,
Как спаситель и как палач...

Изменить Вы уже не в силе
То, что в сердце проникла страсть.
В эту ночь Вы меня любили
И хотели у всех украсть.

Ваши чувства давно в могиле
Глубоко. Уже много лет.
В эту ночь Вы меня влюбили,
И сквозь жизнь протянулся след.

Убежав от дворцовой пыли,
От предательства, склок, интриг,
В эту ночь Вы меня любили
Только миг... но прекрасный миг!...

Эта встреча прошла навывлет.
Оставляя навеки шрам,
В эту ночь Вы меня любили,
И за это – спасибо Вам!

Астраханский пейзаж

Как уместить в эти двадцать четыре строки
Всю красоту с детства взгляду знакомого края...?
Волжская плещет волна, в догонялки играя
И отражая характер великой реки.

Эхо пещер на Богдо – отдаётся в сердцах.
Каспия старого снятся раскаты любому,
Кто хоть однажды здесь был. Вот деревня, у дома –
Ахалтекинского след на песке жеребца.

Гордый орлан совершает владений облёт.
И грациозно застыл импозантный фламинго.
Спелый арбуз на столе... Как его половинка
Сладостью манит! Настойчиво в детство зовёт...

И затмевает цветов полевых аромат
Лотос, открывшийся солнцу и солнцу подобный.
(Список эпитетов здесь не приложишь подробный
И не загонишь эмоции в сжатый формат).

Радость охотника, гордо несущего дичь,
И рыбака, достающего старые снасти, –
Лучик азарта в глазах – безразмерное счастье!
Нужно такое увидеть, услышать, постичь...

Листья колышутся, травы, как бархат, мягки.
Каждая роща, полянка – история жизни,
Всё, что родное, что дышит любовью к Отчизне,
Как уместить в эти двадцать четыре строки?

Когда Автор жжёт...

Вроде всё как у людей –
Но
Надоело жить. Вокруг –
Смрад.
И смотрю в окно – во двор –
Дно...
Ничему уже я не
Рад.
На исходной – пустота
Лет.
Нет тепла и на душе –
Лёд.
Книгу в руки взять? Зачем? –
Бред...

Автор душу мне стихом
Жжёт.
(Автор жжёт, а я – горю –
Весь!)
Выбивает клином строк
Клин.
И сшибает так мою
Спесь,
Прогоняя навсегда
Сплин.
Загорелся. Полыхнул.
Стих...
Но огнём очищен был
Мрак.
Знать, хороший у него
Стих.
Если может зажигать
Так...

Не пишите, мальчики, сонетов

Не пишите, мальчики, сонетов –
Не нужны они сегодня дамам.
Нынче в моде – звонкая монета,
Наглость и брутальный образ хама.

Серенады петь – благое дело,
Но бесперспективное, де-факто!
Лирика – в архивах – устарела!
Драма... Актёв нет – одни антракты...

Интонаций и аллитераций
Ни к чему игра – не это надо! –
Агрессивность фрикций! Пафос фракций!
Самоощущенье частью стада!

Лучше вы последуйте совету –
Не пишите, мальчики, сонетов!

Елена Виноградова

г. Москва, Россия

Дождалась

Дождалась! Заблестело
Всё, что может блестеть!
Я весны так хотела,
Что отринула смерть.
Заблесте-засверкало
Через стёкла машин.
Сразу радостно стало.
И улыбки мужчин...
Блики золота всюду:
На капотах, столбах,
У прохожего люда
На часах и зубах;
Снег от солнца сверкает –
Невозможно смотреть,
И погода такая,
Что мне хочется петь.
Не до песен, конечно...
Но вот птички поют
И весне звонко-нежно
Знак призывный дают.
Всё придёт неизбежно:
И весна, и беда;
Горя – море безбрежное,
Счастье – лишь иногда.
Эти капельки радости,
Как сегодняшний блеск,
Больше ценятся в старости,
Когда гонор облез,
И душа в ожидании
Приговора Творца...
Что ж, зима, до свидания!
Будем жить до конца.

Ой, да что это я...

Ой, да что это я растекаюсь как вешние воды
при единственном лучике, форточку в тучах пробившем?
Столько разных проблем: гибнут люди, страдают народы;
кризис, словно чума, половину Земли поразивший.
Надо думать о хлебе. Ну, разве ещё о здоровье.

В зубы пломбы поставить, пока ещё платят зарплату.
Завтра - мутное, и настроение вдовье.
Скоро всё у людей отберут вплоть до хаты.
Ну а я на сосульки и птичек гляжу с умилением
и о счастье пою, словно жизнь моя не позади.
И на лужах ледок, и подснежник - моё вдохновение,
хоть мне в зеркало - лучше уже не гляди.
Ну чего в ней такого, в весне этой нашей замызанной,
Что с малА до велИка - все словно бы сходят с ума?
Если трезво взглянуть, то себя ты почувствуешь изгнанной
Отовсюду. Из жизни уйдёшь ты сама,
Не стерпев, не любя, не приняв этой жизни опошленной.
Только вот, погоди, не спеши - на пороге ВЕСНА.
И в неё, как ни странно, пока вход беспошлинный.
В наше время - и даром? Не верится. Лёжа без сна,
Ты на звёзды глядишь и о счастье мечтаешь бессмысленно.
Обо всём забыв, грезишь ты непонятно о чём.
Просто хочется сказки как в детстве, невинной и искренней,
Где принцессам их принцы всегда подставляют плечо,
И целуют им руки, и бьются за них без раздумий...
И где правда в конечном итоге сильнее, чем ложь.
Где добро выше зла. И где жизни такого безумия,
как сегодня у нас, в тридесятном едва ли найдёшь.
Да, опять, и в который уж раз завесенилось.
И в который уж раз просыпается к жизни земля
В моей жизни - не вспомнить, не счесть, но я снова расклеилась,
И витаю, мечтаю, страда...Ой, да что это я?

Снова тени синие

Снова тени синие,
А дороги - грязные.
Дни необъяснимые,
Непривычно ясные.

И поздней смеркается,
И не спится до утра,
А душа брыкается,
Провесеннясь до нутра.

Долго бедной маяться -
Нет ещё ни листика.
Ещё дольше каяться.
Объясняя мистикой.

Ни при чём здесь мистика -
Волшебство весеннее.
Душ эквилибристика -
Где лонжа-спасение?

Снова брови хмурые,
А глаза тоскливые...
Ах, какая дура я!
Как весна, плаксивая...

Знала ведь: обманное
Счастье мимолётное.
Это время странное,
Время стихоплётное...

Смоют ливни летние
Всё, что наколдовано.
Грёзы предрассветные
В памяти закованы.

Колей накатанной
Дальше жизнь потянется,
А весной сосватанный
Позади останется.

Виновата

Брошусь наземь,
Зароюсь в траву
И уткнувшись в душистую кашку,
Я белугою зареву
От бессилья,
Как малая пташка,
Что попалась в лапы коту -
И бессмысленно трепыхаться.
Я пока еще на плоту -
Только долго ли продержаться?
Ты трава моя, мурава,
Мое слабое утешение...
Я по жизни была не права,
Вместо жизни - лишь мельтешение.
Все на завтра, все на потом -
Только это весьма чревато.
В этой драме птички с котом
Я , конечно же, виновата.

Золотая осень

Танцуют листья в ветра ласковых объятьях -
Он теплый и по-юному игрив.
Еще цветы форсить рискуют в летних платьях,
Деревья не лишились ярких грив.
И зелена трава, и ночи ясны, тёплы,
И даже яблоки кой-где висят;
Но вот хозяйюшки заклеивают стекла,
Пустым и грустным делается сад.
Уже темно, когда проснёшься рано,
И птицы спозаранку не галдят,
А лес с утра объят густым туманом,
Войдешь - и мокрый с головы до пят.
А днём, когда светило в нежной дымке,
Не так криклива золота краса,
Как будто неизвестный невидимка
Пастелью красил небо и леса.
И королева осени алеет
На изумрудном бархате болот
Рассыпанными бусами. Немеет
Любой зашедший от таких красот.
А журавли недавно улетели;
Последний круг над домом - и прощай!
Курлыкали - наверно, не хотели
Лететь в чужой далёкий тёплый край.
И дачные посёлки опустели -
В них жизнерадостный не слышен лай.
А мухи - эти просто обнаглели
И тучами летят в дощатый рай.
Молчат пруды, готовые к Покрову,
И убраны до лета гамаки.
Но подчиняясь внутреннему зову,
Упорно едут к речкам рыбаки.
Закончены работы в огородах,
И в лес уже бессмысленно ходить.-
И эта обретенная свобода
Всё чаще заставляет нас хандрить,
Готова душу к серым долгим ливням.
Но днём покуда радуется глаз
Октябрьским золотым пейзажам дивным,
И солнце как бы согревает нас.

Домов потухшие глаза...

Домов потухшие глаза
Глядят угрюмо-равнодушно.
Здесь в рифму просится «слеза» –
Но не пушу – слезы не нужно. –
Обычный дождь. Он льёт на нас,
На окна хлещет, на бульвары,
Из облаков, из труб, из глаз,
Усердно моет тротуары,
Полощет редкие огни
В холодных, тёмных, грязных лужах.
И мы с дождём совсем одни,
Хотя мне дождь такой не нужен.
Но дождь назойлив и упрям,
Мой спутник нагл – не отвязаться.
И даже зонт держу я зря...
Скорей бы дома оказаться.
И можно глаз не вытирать,
Легко свалив на дождь всю сырость,
Глотнуть спиртного и в кровать,
Отдавшись на Морфея милость.
Но где тот дом? И что там ждёт?...
Тащусь едва, решить не в силах,
Что лучше мне. А дождь идёт.
И я иду. Кровь стынет в жилах,
Промокли туфли – наплевать,
Прилипли брюки – безразлично.
Куда беду мою девать?
А остальное всё отлично.

Продается

Продается солнце,
Продается ветер,
И луна, и море
с синими волнами.
Сердце продается
И - о, боже! - дети,
Продаемся сами.
Что случилось с нами?
Что же непродажно
В этот век безумный,
Если совесть даже
Продают бездумно?

Только не купить нам
Зачастую хлеба,
Только не видать нам
Голубого неба. -
Потому что небо
Тоже будет private,
Оттого что хлебом
Тоже частник правит.
И народных зрелищ
Запросто лишили.
Даже не поверишь,
Как всё порешили.
Кто же этот дьявол,
Кто же тот Иуда -
Жизнь на кон поставил,
Наследил повсюду?
С каждым днем сильнее
Горло жмут запястья,
С каждым днем яснее:
Не дожждаться счастья.

Ну что ж...

Ну что ж, давай с тобой на брудершафт –
За встречу, за любовь и на прощанье...
Глаза в глаза, почти что не дыша,
Оставим малыша мы на закланье
Склерозной памяти, когда-нибудь забыв.
Но вдруг однажды словно в сердце взрыв –
Любви той вспомним страстные объятья,
И от бессилия и боли зверем взыв,
Вернуться попытаемся обратно. –
Но страсть уже не та...
И руки уж не те:
Утрачена чувствительность в разлуке.
Напрасна суета.
Одна лишь маята,
Досада и сравненья муки.
Ночное самоедство. Самоказнь
И приговор беспечности давнишней,
А, может, глупости. Подспудная боязнь
И чувство, будто в жизни лишний.
Ты не боишься этого? Тогда
Допей до дна – мы всё уже сказали.
И будут тихой гаванью года,
В которых будем жить как на вокзале.

Сергей Глухов

г. Алматы, Казахстан

Я твое лицо изучил в деталях

Я твое лицо изучил в деталях.
Буду помнить все, в бесконечных далях,
А потом возьму, и его забуду.
Забывают всех, и любовь-паскуду!
Время всё сотрет. Ну, а как иначе?
Если ты молчишь, это что-то значит?

Пережить других? Как смогу сумею.
Променял тебя на свою идею!
А теперь вокруг сквозняки и ветер,
Говорят, что я - одинокий кречет.
Для чего живу? Ты спроси - Не знаю!
Так проходит жизнь, так её теряют...

Испив до дна

Испив до дна
оставшуюся грусть,
пускаюсь
в бесконечность отношений.
Я после, может быть,
и оглянусь
в потенциальном холоде
сомнений
на то,
как я хотел и ждал любви,
и получал
предательство в награду.
На то,
как одиночества вкусив,
вдруг находил
любовную усладу.
И вновь терял,
терял в других тебя,
на поиски которой
трачу время.
Любовный пыл
я снова жду огня,
простудой
одиночества
болея...

Госпожа Неизвестность

Госпожа Неизвестность
Так любит потягивать будни,
Из фарфоровой чашки
До боли тягучих минут.

Пропадает в безвестность
Знакомый мне некогда путник,
Словно поезд вчерашний,
Который теперь не вернуть.

А весной откровенность
Природу от спячки разбудит,
Разрывая рубашки
У почек в соседнем саду.

Я не люблю пустые разговоры

Я не люблю пустые разговоры,
Бесцельное хождение во тьме.
Февральские беспечные узоры
На треснувшем от холода стекле.

Я не люблю предательство, как средство
Ухода от действительных причин.
Не выношу безумного соседства
Разноголосий облысевших шин.

Твои шаги, ведущие к разрыву
И к пропасти, венчающей конец.
Кричал от боли, кажется, с надрывом
На мостовой растерзанный птенец.

Курс доллара заметно сник

Курс доллара заметно сник,
Подорожали вишни из Ташкента.
Мне кажется, что я к тебе привык.
Так привыкают к качеству «Абсента».

Твоя любовь, как терпкое вино -
Слегка дурманит разум постоянством.
А я стою, смотрю в твоё окно,
И удивляюсь холоду пространства.

Уходят вдаль вечерние огни,
И солнце растворилось приграничем.
Нас что-то общее с тобой роднит,
И, думаю, совсем не безразличье.

Татьяна Игнатьева

г. Тихвин, Россия

Собаки лают – караван идёт

Собаки лают – караван идёт.
Идёт, не зная устали в дороге.
Из века в век о том, из года в год
Из уст в уста молчат сурово Боги.

Ни ветры, ни рассветы, ни пески,
Ни слёзы звёзд прозрачными ночами
Не исцеляют сердце от тоски,
Что колыбелью вечно нас качает.

Великий труд, великий долгий путь,
Шагами человеческими смирен,
Нас выведет с тобой когда-нибудь
К родной незапирающейся двери.

В бураны, зной, в колючий ветра лед
Твердим молитву бледными губами.
Собаки лают – караван идёт.
И Ангелы ступают между нами.

Слышишь, милый, к нам опять стучится осень

Слышишь, милый, к нам опять стучится осень.
Не ходи за ней, она шутница злая.
Мягко стелет, только, как спалось – не спросит.
Золотыми погремушками играя,

Колыбельную начнёт – слова забудет.
И пойди-пойми, с какой такой корысти
Перепутает все праздники и будни.
Улетит за тридевять полночных жизней.

А тебе придётся вновь бежать за нею,
Восхищаться красотой на пике смерти.
Я ведь тоже обожаю ворожею,
Только горько разрывать твои конверты...

Утепляться – ни желанья, ни умения.
Переспели без тебя у окон вишни.
Не готовлю даже банки для варенья...
Зимовать поврозь мы будем, так уж вышло.

Расскажи, Гамаюн, как рождается око зари

Расскажи, Гамаюн, как рождается око зари,
Как под тёплой корочкой дремлет зелёный росток.
Где зимуют кукушки, где летом живут снегири.
Как узнают они неизбежного странствия срок?

Расскажи мне, Пресветлого Ирия вещей певун,
Отчего наше сердце вдали от священной страны
Вечно слыша мелодию вышних серебряных струн,
Разорваться готово от неистребимой вины?

Осень выстудит небо, и ягоды лягут в ладонь,
Улетят журавли, задождит по полям ввечеру.
Но согреет озябшую душу домашний огонь,
И заблудшую душу потянет к живому костру.

Расскажи, Гамаюн – будет долгой-предолгой зима –
Как родимся мы сызнава после тяжёлых годин,
Только в памяти тлеющим жаром – тюрьма да сума,
Только сердце с мелодией вечной один на один...

В пылу потерь, не потеряй урок

В пылу потерь, не потеряй урок.
Не оступись на узенькой тропе.
Познания приходят в должный срок,
Не спрячешься от жизни в скорлупе.
В пылу раздора, мелких дрязг и ссор
Не упусти великой дружбы нить.
Её обрыв, как страшный приговор
Обрушит твоё «быть или не быть».
Сомкни глаза, открой сердечный взгляд –
Верней и чище воспринять нет.
Не обсуждай того, о чём кричат.
Порой, молчанье – лучший твой ответ.
В пылу погони разум не у дел.
Тогда лишь настоящее придёт,
Когда любовь превысит жажду тел
И засияет радостью свобод.

Прости мне, осень-недотрога

Прости мне, осень-недотрога,
 Всё забывается, увы.
 На то и стелется дорога
 Под колыбельную травы.
 Где с каждым шагом дни короче,
 И холодной твои дожди.
 Чтоб серебром январской ночи
 Отогреть тебя в груди.
 Прости-прощай, во снах не встречу.
 Теперь там вьюга да снега,
 Капли будущей предтеча –
 Сугробов синие стога.
 А как метнётся сердце уткой
 Сквозь мрак в надежды полыню –
 Под зимний всплеск печали жуткой
 Почую душу я твою.
 Не удержать, как лучик света –
 И над весеннею рекой,
 Минуя призрачное лето,
 Лечу в твой вечный непокой.

Прыжок мангуста

- О, я не выдержу...
 - Да кто тебе сказал!
 - Мне сердце говорит...
 - Плохое сердце!
 К чему за жизнь хвататься –
 Не усердствуй,
 Прими беззубой
 Радостный оскал!
 - Вот это – ни за что и никогда!
 - Вот это и хотел сейчас я слышать!
 Ведь сердце у тебя не мокрой мыши.
 А жизнь – всего лишь талая вода...
 Не прячься, не крутись по сторонам –
 Что было за спиной – уже не важно.
 Замри, врагу в глаза взгляни отважно.
 Не отдавай победу болтунам.
 И в миг, когда душе достанет сил –
 Вперёд! Оставь сомненья и молитвы.
 И при любом исходе этой битвы –
 Поверь, что ты навеки – победил!

Александр Лупооков

г. Сочи, Россия

Мама

День под вечер клонился. Закат уж пылал,
когда мой разведвзвод возвратился на базу.
Я был грязный, голодный, чертовски устал,
но как вспомнил свой дом, стало легче мне сразу.

Я бойца в скоротечном бою потерял.
Не моя в том вина, что случилось такое:
было вдвое их больше, но взвод устоял.
Нет вины моей в том. Но в душе нет покоя.

И упав на лежанку, уставший и злой,
перед тем, как во сне краткосрочном забыться,
всё же я улыбнусь: день прошёл, я живой,
и быть может, мне мама сегодня приснится.

И прощенья во сне у неё попрошу
я за гордость свою и за глупые ссоры.
И, наверное, завтра письмо напишу,
если вновь не уйду на разведку я в горы.

Я давно не писал. Не люблю я писать.
И, быть может, всего напишу я три строчки:
«Я люблю тебя, мама!
Прости меня, мать!
Всё в порядке. Спасибо тебе за носочки!»

Последний путь

(исповедь царя джунглей)

Зачем я был так людям нужен,
чтоб в клетке доживать свой век?
Мой мир, мир джунглей, он нарушен,
его терзает человек!

Он джунгли наши вырубаёт,
чтобы дороги проложить,
стальными монстрами пугает,
которых нам не победить.

Я был здесь царь. Но справедливый.
Боялись? Да! Но уважали.
И мой характер незлобивый
как слабость не воспринимали.

Порядок был. Закон вершился
(и в джунглях есть свой Кодекс Чести):
кто преступил, кто провинился,
тому не жить с другими вместе.

Того, как правило, съедали.
Порядок в джунглях - это я!
И люди ясно понимали:
чтоб хаос был - убрать царя.

Но долго я сопротивлялся:
ломал их клетки, сети рвал,
через облавы прорывался.
Живём не взять меня, я знал.

Тогда убить меня решили.
Сияла полная луна.
Когда мне в грудь пять пуль всадили,
я видел - вздрогнула она.

Вот на шесте меня несут.
Глаза мне слёзы застилают.
Что это? Зайцы отдают
мне честь!
И сердце разрывает.

А сзади по следам бежит
и лижет кровь мою шакал.
От удовольствия урчит
тот пёс трусливый и нахал!

Поплыло всё. Меня знобит.
Нет сил. Глаза я закрываю.
Теперь уж точно я убит.
Я славно пожил!
Я прощаю ...

Водокрещи

В мутных водах реки Иордана
Водокрестие от Иоанна
Каждый, кто пожелал, получал.
И пришёл Иисус и сказал:

«Окрести и меня, мой брат!»
А Креститель: «Крестить бы рад,
Только должен бы прежде я,
Быть крещённым, брат, от Тебя»

А Христос ему отвечал:
«Сделай то, что всем совершал»
И крестил Его Иоанн.
Посветлел в тот миг Иордан.

И, запев на все голоса,
Распахнулись вдруг Небеса,
Божий Дух, как голубь, слетел,
И Христу на голову сел.

И глас Божий звучал с Небес:
«Сей Мой Сын Возлюбленный есть,
И Моё в Нём благоволение!»
Так свершилось Богоявление...

Водокрестие поминая,
Крестный ход к воде совершают,
И купель, где вырублен лёд,
Иорданью зовёт народ.

Будут Господа прославлять,
И сойдёт с Небес Благодать,
Водоёмы все освящая,
Чтоб тела людей омывая,
Та вода, что Христа познала,
Души грешные очищала.

Крестный ход к Иордани идёт.
Смой грехи, православный народ!

Медведь и роза

Медведь влюбился в Розу. Вот дела!
Она его совсем с ума свела.
Он на неё часами мог смотреть,
и даже мёда вкус забыл Медведь.

И, правда, ароматна и свежа
была та Роза очень хороша.
Он в розовых мечтах своих витал,
но раз решился и поцеловал.

И, опьянев от Розы аромата,
прижал её к себе...
Она не виновата
в том, что помимо нежных лепестков
имеет много острых шипов.

Эратó

Я ждал её, как женщин ждут любимых:
Зажёг свечу, шампанское налил
И плитку шоколада положил.
Не правда ли, знакомая картина?

Вот Эратó моя ко мне пришла
И новый запах моря принесла.
И я, конечно, встрече той был рад
И предложил ей горький шоколад.

А под него шампанское мы пили...
Вдвоём мы с ней такое натворили,
Что, протрезвев, я понял – перебрал,
И «плод любви» на части разорвал.

Увы, и с музами бывает расслабление,
И это видно по стихов творению.

Эратó – муза, покровительница любовной поэзии.

Коротышки

Вырубил сад, но цветы посадил,
сына не смог, но двух девок родил,
дом не построил, а жил на госдаче.
В общем, сложилась вся жизнь неудачно?

Я думал, что с тобой у нас
большой роман получится,
а получился лишь рассказ
с названием «Попутчица».

Любишь ты позицию «Сверху»,
ведь оттуда тебе видней.
В голове моей видишь перхоть,
но, что глубже, не видишь в ней.

Сначала встреча глаз проходит,
друг друга руки их находят,
и губы тянутся к губам.
Не отставать же их телам...
Меж встречей глаз и тел их встречей
порой бывает только вечер.

Болт с Гайкою сошлись и поженились.
Но быстро развелись. Не совместились!
А Гайка говорила: «У Болта
головка стёртая, да и резьба – не та».
А Болт в ответ: «Сама резьбу сорвала
с болтами разными. И вот, прокладкой стала!»
Чтоб крепким было то соединение,
должно в резьбе быть полным совпадением!

Я сегодня, как туча, а ты - ураган налетевший.
Рвёшь ты в клочья меня, и устал я от этих нападок.
Но встаёт наше Солнышко - ты утихаешь поспешно,
ну а я, разрядив свой заряд, выпадаю в осадок.

Оловянный солдатик в разведку пошёл
И Дюймовочку в чаще ромашек нашёл.
Но любовь их была коротка на закате:
От любовного пыла расплавлен солдатик.

Три поросёнка, семеро козлят,
пошли учиться в школу-интернат.
Недолго детки азбуку учили.
Директором там Волка посадили.

О, Правосудия Весы, на ваших чашах
колеблется судьбы решенье нашей.
Коль не верна настройка изначально, -
исход для правосудия печальный.

Что со мною ты наделала?
Ты, колдунья моя белая!
А, быть может (дело спорное),
Ты не белая, а чёрная?

Впрочем, мне какая разница,
Чёрно-белая проказница,
То ль в полоску, то ли в крапинку.
Сердце всё моё в царапинках!

Марта Эй

г. Ижевск, Россия

Просто история

У одного Человека было три камня
он их носил с собой, хранил за пазухой,
а ещё на него работали три парня -
сажали пшеницу, боролись с засухой.

Да и у каждого парня было по камню.
У каждого камня своя история -
один из реки Ганга, второй из Уганду,
а третий был найден в Кавказском предгорье.

За труд Человек дал им хорошую плату -
по четырнадцать серебряных каждому.
Парни решили на деньги съездить к Пилату,
там научиться чему-нибудь важному.

По два серебряных отдали на дорогу,
сменили на тогу рабочие брюки.
Там все так ходили, и Понтий носил тогу,
ещё много говорил, часто мыл руки.

Они познакомились со странным мужчиной -
он не ценил деньги, не работал в поле,
не держал камня за пазухой, был причиной
недовольств, говорил о вере и воле.

Им не нравились его речи надменные.
СобрАлись, катали оливу по блюду.
Подумали. Глянули на серебряные,
взяли по десять и купили Иуду.

Песня

И нет ни картин, ни икон
один потолок, один пол,
четыре стены, да балкон
и стул, а над стулом стол.

Есть дверь, есть окно одно,
их можно легко найти
и можно войти в окно,
а можно и в дверь войти.

На мой подоконник свет
разорванным лег через тюль,
и встал на пороге поэт
жару материть и июль.

Он часто приходит с вином
приходит залить грехи,
повесить картин и икон,
раскинуть на стол стихи.

Потом он несет домой,
залитые красным грехи
и забирает с собой
иконы, картины, стихи.

И нет ни картин, ни икон
один потолок, один пол,
четыре стены, да балкон
и стул, а над стулом стол.

По другую сторону стола

И как там, по другую сторону стола!?
Нас разделила ваза с мёртвой вербой.
И кругл был стол и не дал нам угла.
И будто соревнуйся с верой

слепою, наша скатерть слепла
И было неуютно от белья.
И словно жизнь не просыпала пепла,
а жил ли ты сам и жила ли я сама.

И как там, по другую сторону окна!?
Нас разделил горшок с живой монстерой.
И воском запотевшего стекла
мы слепли, соревнуйся с верой.

Как горько видеть журавля...

И снова журавли лишь снятся...
И дом – не дом родной и для
Него родной мне не являться,
Как горько видеть журавля...
...в полёте над зарёю алой,
У края черепичных крыш,
И выть печальной зазывалой:
«лети же ниже, ниже лишь...»
Подъезды резво воробьями
Щебечут: «заходи, не стой!»,
А окна добрыми друзьями
Звеня, зовут к себе домой.
И плачет сонная площадка,
Как мать, что не приходят к ней,
И позабытая палатка,
Как отчим ждёт своих детей.
Как странно, когда в ночь мне снится
Ни дом родной, а чуждый сквер,
И в руку просится синицей,
Лишь только старый револьвер...

Марья Марусенко

г. Москва, Россия

От любви до любви

От любви до любви, да в четыре конца,
От двери до двери, да в четыре угла,
Потолок и слеза, там окно, а за ним,
То, что было давно, словно был ты любим.

От ствола до ствола, да и пулю в лоб,
От черты до черты, да листочек в сугроб,
Светит солнце в глаза, ослепляя добром,
Ну, а вместо лица боли хохот кругом.

От кровати к столу, чтоб тарелку разбить,
От истерики в кровь, чтобы сразу забыть,
Ты меня не познал, если смог разлюбить..
Ты меня не любил, если смог отпустить..

От угла, да в проём, да по лестнице бег,
От двери, тротуар, да, споткнувшись, упасть,
Если ты человек... если ты человек,
Ты поймёшь, что такое бессильная страсть.

Если ты полюбил, только так, чтоб навек,
Если это сильней, но лишь так, чтоб, как смерть,
Ты не сможешь ни год, ты не сможешь ни век
Ни меня позабыть, ни зимы круговерть.

Заклинаю тебя, на крови ворожу,
Ворожба навсегда, до могильной плиты,
Говорю, как межу по судьбе провожу, -
Как и мне не забыть, что есть где-то там ты.

До бессмысленности осмысленных фраз

До бессмысленности осмысленных фраз,
До незрячести расширенных глаз,
До бессмертия есть только час,
Там, где Мы - нет больше нас.

До свободы на года одиночная,
До небес доведёт помощь срочная,
А до букв лишь дорога межстрочная,
Нерешительность самая точная.

По пустыне до нас только вплавь,
К миражам приведёт только явь,
Чтоб забыть многоточья расставь,
Чтоб любить - ты меня не оставь.

Под музыку водосточных труб

Под музыку водосточных труб и сигналов машин
Пробирается ветер, согреваясь от зданий,
Взгляды, объятья женщин, мужчин,
Сотни пустых и ненужных признаний.

Над городом дым, над дымом печаль,
В подвалах весенней сырости смерть,
Кому-то плевать, кому-то же жаль,
Кому-то кричать и в истерике петь.

Дороги, как вены, застывшая кровь,
Дома нависают, зажимают и давят,
И где-то навечно, а может быть вновь,
Сердца сумасшедшие в страсти расплавят.

Задыхаясь метелью, воюет февраль,
Застревают слова на озябших губах,
А в голосе траур, в голосе сталь,
Лицемерные чувства в лживых словах.

Я стою поздним вечером.. мой друг снегопад
Укрывает меня от взглядов людей,
Этот год разбивается о стены, как град,
Две тысячи десять стал годом теней.

Я буду молчать, забывшись тобой,
Стройна, как Валькирия - герою верна,
Пусть мир обернётся ужасной войной,
Раз имя тебе при людях – Война.

Я иду не спеша

Я иду не спеша, за мною пожар,
Я растрёпанна и уставшая,
Я иду, потому что ты мне сказал,
Что в реке не купаются дважды.

Я иду по осколкам разбитых корыт,
Может, кажется, может, снится,
Я иду, а твой голос во мне говорит
Птице – небо, слезам - ресницы.

Я иду лёгкой поступью к стынть-траве,
Я иду, хоть мне надо бежать давно,
Я иду от реки, ты на той стороне,
Тишина, как в немом кино.

Я иду, чуть шатаясь и еле дыша,
А в глазах ничего – только ты,
Я иду... А за мною плетётся душа,
И сожженные ладит мосты...

Вячеслав Михайлин

г. Москва, Россия

В декабре, как в декабре...

В декабре, как в декабре-
Ночи долгие.
Снегом пепел сигарет
Ляжет под ноги.

В миске с синею каймой
(Старой маминой)
Стынет снежною крупой
Рис отваренный.

Освещает скудно двор
Серпик месяца
В доме только монитор
Тускло светится.

Надо б ёлку нарядить,
Да не хочется
Будем чай с тобою пить,
Одиночество.

Терпеливо ты со мной,
Как с немногими.
Будем душу изливать
Монологами.

Фиалка

В квартире, атакованной зимою,
Задраенной, как трюмы корабля,
Есть место, где и небо голубое,
И влажная, горячая земля.

Благоухает садик подоконный
Геранью. Сладко нежась от тепла,
Заботой окружённая достойно,
Махровая фиалка расцвела.

Её приятно поливать из лейки,
Рыхлить совочком-крохой мягкий грунт,
Подкармливать. Ведь это же копейки,
И удобрения всюду продают.

Ты благодарна? Правда, мне не жалко.
Чего ты опускаешь глазки вниз?
Ты ж как на подоконнике фиалка
Досуг мой и простительный каприз.

Дятел

Стучит желна, он доктор-дятел
Булатным клювом в ствол больной.
Упорный он, терпенья хватит
Лес обработать строевой.

Тот звук по ритмам бесподобный,
Удары звонки, веселы...
Не раздирающий и злобный,
Как визг карающей пилы.

Вот только думы посещают,
На сердце раны теребя,
Что много лет уже не чаю,
Я достучаться до тебя.

И эта мысль засела шкворнем.
А я ведь был его упорней...

«После бала»

Пили, пели, отмечали,
И не вспомнить, кто что нёс.
До парадной провожали,
Целовались там врасос.

Ночь, метель. Проулком длинным,
Как разбойник, шквал свистит.
Ни одной кругом машины,
Но легко пешком дойти.

Крутят ангелы и бесы
Снежных игл водоворот.
От счастливого повесы
Перегарный пар идёт.

Оли видятся и Нины.
Платья их из кисеи,
Круглы бюсты, ноги длинны
И уже почти свои.

И метель по барабану,
Вязкий снег и скользкий лёд.
Опьяненье, как нирвана.
Он легко домой дойдёт.

Ничего, что ноги ватой
И дорожки не видать.
Да, с глазами плоховато...
Вот бы хоть чуть-чуть поспать!

Ах, как мягок снег. - Перина!
И подушка есть бугром.
Сон пленительный и длинный.
Где ложился, там сугроб.

Выйдет утром дворник сытый,
Мудр, как будда и раскос.
Глянет - что, ворча сердито,
Разрывает мордой пёс?

Подсобит большой лопатой
Снег немного разгрести:
За запястьем синеватым
Кисть и ключница в горсти...

Евгений Михайлов /Евгений Михайлович Печенкин/

г. Одинцово - 10, Россия

Я – ретроград!

Я – ретроград, возвращенный перегонной
Пошлятиной Москвы и Петушков.
Мне мил кинжально-острый слог Разгона
И скрытность пастернаковских стихов.

С Высоцким рвал я струны под лавиной,
Волошинскими звездами играл,
С булгаковскою ведьмой у камина
Мы сатанинский праздновали бал...

Я – ретроград! Я взрос на благодати
Изящества словесности умов,
Где каждый миг эпохой был и датой
И слова торжеством! Да, я таков,

Каким меня воспитывала совесть
Тех слов, в которых были честь и ум.
Душой и сердцем я впитал ту повесть
Борьбы, стремлений и высоких дум!

Мы быстро выросли...

Мы быстро выросли, воруя арбузы,
Вскрывая вагоны недетской рукой.
Родители нас не считали обузой
На ферме, на пашне, в забое с киркой.

Мы ели оладьи – коренья в размоле
И лук из подснежника был витамин.
Не ведали слов мы «тяжелая доля».
Наш дух выживанья был неутомим.

Кнотом по загровку – подумаешь!.. стерпим!..
Охранник с берданкой – сперва попади!..
Крыжовник соседа был сладким, не терпким,
Такой же была и квашня попадьи.

Девчонки гордились – мы дрались до крови
С посмевшим хоть в мыслях избранниц обнять,
Не распалаясь бахвальным «урою!..»
И в след «распальцовку» – «ну, мля..., твою мать...».

А как они плакали! Будто поминки
Справляли по нам на балу выпускном...
Уже не девчонки и Таньки, и Нинки...
Вернуть бы то время... Скамья под окном...

Коснувшись струн...

Коснувшись струн гитарных невзначай,
Я спеть хотел о чем-то позабытом:
О лете, о скамье, плющом обвитой...
Да вспомнил, что уже октябрь, не май.

Про материнский теплый каравай,
Про звезды, что ловил руками летом
Мне б спеть одну - из тех, что недопеты...
Но в путь последний тронул мой трамвай.

Да... вдаль уходит сказочный трамвай,
В густой туман, где вечности утеха...
И песням недопетым вторит эхом
Щемящий вой, собачий хриплый лай.

Искупи мою боль...

Искупи мою боль
тихой нежностью светлой,
Добротой, красотой
милых слов неприметной,
Лаской рук, взрывом чувств,
алым цветом признания,
Приголубь, обругай,
расточай обещания.

Искупи мою боль
незабвенными строками -
Пусть наполнят меня,
будто вешними соками.
В силе слов - звёзды чтоб
загорались и стынули.
Сердце чтобы зашлось!
Слезы чтобы нахлынули!

Веселый рыцарь

Веселый рыцарь Юджин Грусть
Знал много песен наизусть -
Он сочинял и пел их на досуге.
Он воспевал друзей, их дам,
Взывая к чувствам и сердцам,
Он пел: «Люблю вас всех друзья-подруги».

Ржавел затвор больших ворот,
Открытых настежь круглый год
И недостатка не было в забавах.
Ломился замок от гостей,
Утех веселых и страстей,
И пели соловьи окрест в дубравах.

Зеленых трав у тех ворот
В помине не было уж с год:
Топтали их усердно каблуками,
Те, кто к столу не поспевал,
Кто у ворот лишь танцевал,
Прихлопывая песням в такт руками.

И вот однажды Юджин Грусть,
Наполнив кубок, вскрикнул: «Пусть
Молвою лишь полны мои карманы...
Я весел, пьян, со мной друзья,
Что можно знаю, что нельзя,
Живу без злобы я и без обмана!»

Стая

Выщербленная мостовая,
Выщербленная жизнь...
Воробьев стая –
Клюет, что ни кинь.
Эх, стая, стая...
Дожить бы до мая.
Может мостовую починят:
Запесочат, заглинят,
Плитки воткнут заплатками
Здесь и там...
А может это «тришкин кафтан»?..

Не по размеру, не по росту,
Покрытый гнилой коростой...
Кто там гниет с головы?
Увы тебе, стая, увы!
Верил всему –
Был молод, глуп...
А сколько нас село на эту «иглу»!
(Не меньше - на нары)
И вот уже старый... Старый...
Выплывший полумертвым,
Цепляясь за жизнь полустертую,
Выщербленную, как та мостовая.
И слышу свой горестный шепот
Солено-горький, как соли щепоть:
«Стая, беспечная стая,
Доживем ли до мая?..»

Живой не в моде!

Что нам живое?
Уйдет когда-то...
Пропьем, поведем,
Помянем датой...

Авось потомки
Когда-то вспомнят...
Пока ж – в котомку
Историй томных!

В живом – мгновенья,
Лишь в смерти – вехи!
Нам Явь – забвенья,
А Смерть – утеха!

Нам Память - в бюстах,
В помёте пестрых...
А в мыслях пусто –
Ни жал, ни острый...

Что нам художник?
Цена – в насесте!
И та – заложник
Газетной вести!

Все жив, курилка?
Давай-ка в Лету,
Не то с горилкой
Уж все пропето!

Пропита память,
Пропиты мысли...
Жуём, как камедь,
Остатки смысла...

По Смерти – мёдом,
А в Жизнь – камень...
Живой – не в моде,
Живой – в забвенье...

Уезжаю, друзья, уезжаю...

Уезжаю, друзья, уезжаю
Я в свой жаркий «сазановый рай».
Получил я от деда Мазая
Письмецо: дескать, ты приезжай.

«Сазаны от жары сатанеют,
Кукурузу хватают, червей,
Ловим чушек, снастей не жалея.
Поспеш. Приезжай поскорей.

Ну а зайцы... Разбеглись, подлюки,
Хоть колодки на них надевай.
С ними весело было, без скуки...
Видно есть у них «заячий рай».

Обожрали, проклятые, грядку...
Ох, старуха дала мне чертей!
Прописала такую разнарядку...
Привези уж подарочек ей!

Ну, ...платок там, косынку цветную,
Может, ниток, каких-никаких,
Али бусы. Да что я толкую!
Городской, чай, ученый! Не псих!

Эти бабы... уу!.. В бок им селедку!
Разошлась! Ерепень ее в мать!
Представляешь?.. Заначку! Всю водку!
Вот зараза!.. Ведь нечем встречать!..»

В общем, понял я хитрого деда.
Начинаю готовить отъезд.
Магазины вот только объеду –
Не дай Бог его бабка там съест...

С кем рыбачить тогда мне? А байки?
Кто их будет травить у костра,
Пряча хитрый смешок под фуфайкой,
Не давая заснуть до утра!

Татьяна Михайлова

г. Тверь, Россия

Вобрать в себя подлунный волчий вой

Вобрать в себя подлунный волчий вой,
Озноб вдовства и материнства слёзы,
Тиранов бронзовых с надменной головой
(У их сапог не смеют вянуть розы).
Узнать душою, кожей: жизнь – всерьёз,
До полусмерти (профи!) полосует.
Омыться благородством мудрых рос,
Всё меньше «истин» помяная всеу.
От суетных телодвижений света
Попробовать бежать – в забой, в запой...
И встать перед гластасю толпой
И, как ожог, принять клеймо поэта.

Здравствуй, дождь неурочный!

Здравствуй, дождь неурочный! Спой мне песню своих дальних странствий:
Дробен ритм твоих капель и брызг на оконном стекле.
Расскажи, что там нового в горнем – и гордом – пространстве –
Для тебя первородной, но смертных смущающей мгле.
Что впитал ты в себя – гастарбайтеров пот, коготь кем-то присвоенных фабрик,
Пыль со скольких – ночными дорогами сбитых – солдатских подошв?
Пригласи на свой призрачный – или прозрачный – воздушный кораблик:
Не молчи, ты ведь сам постучался в ночное окно моё, дождь.
Не коси, собеседник мой мокрый, своим многоопытным взглядом
(Что-то много косых развелось на когда-то великой Руси):
Спой мне арию струй, что режутся, подобно наядам,
И меня – если хочешь, конечно, – о чём-нибудь тоже спроси.

Мастер

Художник работает пристально, точно.
Под лупой ложатся мазок за мазком.
Надутая тётка с характером склочным
Пред ним восседает, качая носком.
Художник модель переносит отсюда
Туда, где моложе отныне не стать,
Где есть настроение, воля и – чудо? –
Характер непакостный, лёгкая стать,
Задумчивость, спелое женское лето
И зрелых сомнений открытый родник.
И в паре сеансов под дым сигареты
Художник – психолог, рентген, духовник.

Юлия Нелюбова

г. Смоленск, Россия

Предснежное...

Отпускаю. Сдаюсь. Не держу. Уходи.
Ты свободы хотел? – Так бери же свободу!
Только имя твоё, как заноза в груди...
Где-то слева саднит на плохую погоду...

Очень хочется в город назвать первый снег,
завернуть им, как пледом, уснувшие клёны.
По цепочке следов я пойму без помех:
ты ко мне приходил! Лист последний зелёный,

по-канадски резной, не уместный на белом,
от собратьев отстал, не успел схорониться...
Смотрит осень в прицел и стреляет умело,
забирая надежду и радость на лицах...

Я тебя не отдам, – пусть препятствия множит
эта чёртова жизнь, - ты родной мне до дрожи.

54 слова о...

Забываю, тебя забываю. Не верь
тем слезам, что предательской кляксой на буквах
расплылись, и чужие ладони как будто
по щеке невзначай провели. А потерь
не бывает, когда отпустил и не ждёшь,
когда мысли не носятся белкой по кругу...
Я дыханьем согрею замёрзшие руки...
А слова о любви (вдруг скажу), им не верь – это ложь.

Воздушнозмеиное...

Кто сказал, что рождённый ползти не умеет летать?
Я лечу выше клёнов! И ввысь, может, даже до звёзд!
Или выше! А что? Ну кому это знать!?
Ведь лишь ты в меня веришь и любишь всерьёз!

Я лечу! И так хочется дальше! За край!...
Мой полёт в твоих пальцах!... лишь не отпускай!...

Кораблик бумажный

По засохшему руслу вчерашней реки
не поплыть, хоть и сердцем отважен.
Нет надежды, но скорой зиме вопреки
не сдаётся кораблик бумажный.

Он нашёл свой приют среди ила с травой.
В вязком плене, - лишённый свободы,
ждёт дождя и не верит в свой вечный покой,
обречённый, забытый, но гордый.

Повезло

А я влюблюсь кривой судьбе назло,
коснусь на миг рукой ступеней рая.
Пускай сгорю! Но знайте, умирая
последним словом будет: «Повезло».

Длиною в жизнь

Казалось, расстоянье – не беда!
Не зря же судьбы так переплелись!
Дорогу мы осилим без труда!
А оказалось - путь длиною в жизнь.

Как радостны сегодня небеса

Как радостны сегодня небеса,
прозрачные и светлые, как память.
Лишь редкие белеют паруса,
спеша умчаться и вдали растаять.

В природе осень, а в душе весна, -
такая вешняя метаморфоза.
Как эта осень для меня красна,
так жжёт в груди, что хочется мороза.

Не опасаясь, сердце гонит кровь
и не боится ледяного плена,
закрыв глаза, я удивляюсь вновь -
весна бурлит в моих горящих венах.

Стою у закрытой двери

Стою у закрытой двери,
тешусь обрывками фраз,
знаешь, я тоже не верю,
чуда не будет сейчас.
В небе седеющий пепел,
болью залитых костров,
нет новой жизни у плевел
и почерневших крестов.
Утлой надежде нет места,
жмётся душа на краю,
словно былая невеста
в опустошённом раю.

Я жду тебя

Оставленная среди людей,
среди чужих хлопот и дней,
среди незначимых приветов,
таких навязчивых советов,
в которых снова учат жить,
что выбрать и кому служить.

Я жду тебя за часом час,
зажав в кулак святую веру,
ведь без тебя мне слева скверно,
и лучик чувства не угас.
Я постараюсь вновь понять,
куда несёт тебя течение,
в какие чудо-приключения
и есть ли смысл, тебя мне ждать.

А за окном смеются дети
и солнце так же ярко светит,
и мир несётся во всю прыть,
а это значит - надо жить...

Мы смешные, мы как дети

Мы смешные, мы как дети -
попадаем снова в сети,
своих собственных надежд.
С удивлением невежд,

обнаруживаем раны
от предательств и обманов
и надеемся, вот-вот
наше сердце зарастёт.
Мы весёлые, не злые,
мы хорошие такие,
мы хотим тепла и света
и чтоб вечным было лето.
Но никто нас не услышит -
спустимся гулять по крыше,
к чёрту крылья и мечты,
мы боимся высоты.

Скажи, что всё не зря

Ты не спеши поставить на мне крест.
«Красивая, с которой не судьба...»
С дождём умчится новых встреч гурьба
и череда подружек надоест.
Ведь не забыт тот самый первый взгляд,
весенний лучик мягкого тепла,
той, без которой жизнь пустой была,
лишь чисел календарных листопад.
Пока я здесь, скажи где спит заря,
ладонь в ладонь возьми, не дай уйти.
За то, что долго шла к тебе - прости
и обними. Скажи, что всё не зря.

Я предлагаю ночью босиком

Я предлагаю ночью босиком
по тёплым лужам в поиски за счастьем.
Пусть этот мир у циников во власти,
расстанемся с квартирами легко,

с привычным ощущением тепла
бетонных комнат застланных коврами,
сотрём границы рельсов между нами,
сожжём непонимание дотла.

Ведь разве суть, где ты родиться смог,
где ты хотел так пламенно влюбиться,
и где тебе весна зимою снится,
когда в моей печали твой исток.

Вешнее

В грозной вспышке сусального золота
с неба дождь распадается искрами,
разлетается брызгами искоса,
в наковальни гудят громы-молоты.

Беспричинно такие сердитые,
раззадорены трепетным рвением,
гаснут редкие сердца сомнения,
ворошат звук слова позабытые .

Расплескалась трава изумрудная,
растянулась дорогами вешними,
я иду по ним гордая, грешная,
но пойми, без тебя очень трудно мне.

...для тебя...

Зелёный чай бездумно ложка студит. -
остыл давно. - Допить тебе? - Долей. -
Беседую с болтливую посудой.
Мне без тебя так пусто на земле.

Стоят часы, устала батарейка
передвигать одну, другую тень,
теперь их бесполезная семейка
повисла на изломанной черте,

Где тишина ко мне привычно жмётся,
шипит пластинка - отзвуки дробя...
А сердце бьётся, слышишь, все же бьётся
тобой, тебе, тебя и для тебя.

Банальное

Может быть, нужно было рыжей бежать лисицею,
что, учуя тепло, в белом поле кружит весело,
а я мышью мечусь под замёрзшей, сырой плесенью,
на прогулку иду в метель в полушубке ситцевом.

Расцарапав о холод нимб, я ослепла белым днём,
мне щекотно, не больно – нет, кровь ласкает мой покой,
в синеву небес устремлю мечты, там простор такой,
что взлетаешь без крыльев и тонешь и вязнешь в нём.

«Ты мне был родным», сердцем прошепчу, не хватает сил разомкнуть уста,
в этот странный день так слеза чиста, не забудь меня, всё, что я хочу.

Анна Павлова

г. Барыш, Россия

Васильки

Мне нужны не VIP-букеты,
А простые васильки.
Цвета моря, цвета неба –
Ярко-синие цветы.

Дымкой флёровой одеты,
В каплях утренней росы –
С луга, с поля шлют приветы
Под напевы иволги.

В вазе скромного букета,
Дара кроткой чистоты,
Я найду цветы рассвета,
Цвета, как глаза твои.

Осенняя пора

Пришла пора шуршащих листьев –
Пора кружащих лепестков,
Прощальных песен, сердцу близких
Из хора летних голосов.

И осень нам в прямом эфире
Напоминает с каждым днём:
Ещё чуть-чуть, и всё остынет,
Поторопись до холодов.

Успей вдохнуть янтарный воздух,
Пройдись по яркому ковру,
Который память года носит,
Впитавший всё в свою листву:

И петельки надежд на счастье,
И нити радужной мечты,
И прочно сшитые объятия
Великой, трепетной любви...

Пришла пора туманных далей,
Дождливых, долгих вечеров.
И, как в награду, вся в медалях
Стоит берёза за окном.

Анна Рябова

г. Ульяновск, Россия

Размышленья

Я все пишу о наболевшем:
Как одиноко без любви,
Мир кажется пустым и тесным,
Не хочется что даже жить...

Ведь страны есть, где дети гибнут
От холода, от бедноты.
Краюшку хлеба съесть – им дико,
Карманы нищенски пусты...

На новеньком Порше ты едешь,
Но для тебя он устарел.
Ты хочешь Мерс, впридачу Бентли,
И на экскурсию к Луне...

Задумайся, пока не поздно,
А в этом счастье или нет?
Друзья ли, кто с тобою ночью
Делил валюту в шесть нулей?..

11 января 2011 г.

Знал бы он

Знал бы он, как дороги мгновенья,
Проведенные лишь с ним одним;
Знал бы он, с каким я наслажденьем
Им люблюсь, но не мной храню
Сон его, покой души безмерной;
Тает он сквозь пальцы как вода;
Знал бы он, какой мечтой заветной
Для меня он стал... Но он не знал,
И не узнает. Тяжко быть притворной
Рядом с ним, любовь свою тая;
Знал бы он, как сердцу одиноко,
Сводит без него тоска с ума...

07 мая 2010 г.

Светлана Соколова

г. Калуга, Россия

Старый чердак

Лестница – к карнизу, чуть ли не отвесна,
Перекладин первой и последней нет.
Что-то наверху там... Как же интересно
Оказаться в прошлом: с детством тет-а-тет.

Пробираюсь мимо много знавшей груши –
Поздние цветочки на ветвях редки.
Радость встречи что ли, на меня обрушив,
Волосы цепляет, сыплет лепестки.

Осторожно лезу, чтоб не оступиться.
Ржавый гвоздь вертушку держит абы как.
В жалком скрипе дверцы думок вереница...
Вот он, наконец-то, старый мой чердак!

Свет лучится в дыры – решето – не крыша.
Пахнет сеном, ветром и чуть-чуть смолой.
Не живут здесь кошки, не шуршат и мыши,
Чтобы беспокоить пыли толстый слой.

Для белья верёвки... Банный веник новый,
В смысле, что в парилке не гонял он пар.
Вот кусок резины – мячик мой бедовый
С улицы, бывало, прыгал за амбар.

На шершавой балке мелкие зарубки –
С братом нарезали, прыгнув на сундук,
Сосчитав усердно в крапинах скорлупки...
Вон как украшают тонкий мой каблук.

Здесь же за стропилом, у высокой кровли
По весне селились ласточки всегда...
Летом нам давали громкие гастроли
Мелкие прожоры прямо из гнезда!

И теперь, смотри-ка, словно бумеранги,
Птицы залетели в круглое окно.
Юрко суетятся у своей ватаги –
Серые головки их торчат смешно.

Ах, как неуёмна эта суматоха!
В ней полно веселья, доброты, тепла...
Робкою надеждой ветреного вдоха
Пёрышко – в ладонь мне с быстрого крыла.

Я его не брошу в огород, как в детстве,
Положу закладкой в сборничек стихов.
Буду возвращаться в счастье малолетства,
Вороша страницы выстраданных слов.

Игорь Хомечко

г. Бельцы, Молдова

Мама, мама, опять война!

Всем детям, пережившим ужасы войны посвящается

Волос русый, косая челка,
И затравленный взгляд зверька.
В белом сумраке будит елка
Детский ужас его мирка.

На войне умирают быстро
В суматошный безумный век:
Из-под елки вдруг щелкнет выстрел
И окрасится кровью снег.

Бьет в ознобе худое тело:
Передернут рывком затвор,
Разноцветьем гирлянд – прицелов
Елка – снайпер глядит в упор.

Разрывается в небе первый
Залп салюта, что ждет страна –
Детский крик обжигает нервы:
«Мама, мама, опять война!».

09.01.10

Кресло. Черный Кофе. Монитор

Кресло. Черный Кофе. Монитор.
От друзей – ни весточки, ни слова.
Круг замкнулся. Камера готова.
Где ж ты, воля вольная, простор?

Здесь змеей гнездится тишина...
Книги запрокинуты в молитве...
Полосует сумрак, словно бритвой,
Свет из притворенного окна.

Подоконник – кладбище цветов,
Что от равнодушия почили...
Чучело – застывший в крике филин,
Прилетевший из кошмарных снов...

Здесь смертельно серый потолок
С мрачно черным трещинок ажуром
Скалит зубы древним абажуром...
Фарс... Ничтожно жалкий эпилог.

Сны безлики. Потеряли цвет,
Пропитавшись затхлостью прихожей...
Каждый день – опять одно и то же.
Безнадежность. Мрак. Исхода нет.

29.11.09

Реквием для бемоля

Ключ в тишине поверну на старт –
В небо, истошно воя,
Вжалится мощный ракет бекар –
Реквием для бемоля.

В грохоте яростном бомб и мин
Корчится пусть столетье,
Хватит подставленных молча спин
Под русофобов плети!

Так разгорись мировой пожар –
Жить, на коленях стоя,
Нам не позволит сердцец бекар –
Реквием для бемоля.

Вместо деревьев – стволы мортир,
Целят прицелы в небо...
Порох, напалм ты возьми на пир
Вместо вина и хлеба.

Всех, кто душою не слаб, не стар,
Русь призывает к бою,
К воле ведет нас стальной бекар –
Реквием для бемоля.

17.01.11

Павел Черкашин

г. Ханты-Мансийск, Россия

*Под чужими звёздами Кавказа
Цикл стихотворений*

В Чечню

Они уезжали – юнцы и мужчины –
Туда, где контужена даже земля,
Где шаг караулят растяжки и мины,
И душит рассудок тревоги петля.

Они уезжали... Нескладно шутили,
А кто-то молчал и лишь нервно смолил...
За многие-многое вёрсты и мили
От дома родного и отчих могил.

Грозный в зареве пожарищ

Грозный в зареве пожарищ,
Он до мая «на замке».
У бойницы мой товарищ
Держит палец на крючке.

Мы опять глаза ломаем,
Хмуρο вглядываясь в ночь,
И украдкой вспоминаем,
Я – про сына, он – про дочь.

Тихо в радиозфире,
Лишь поддатый комендант
Тренирует в штаб-квартире
Командирский свой талант.

Снова выстрел одиночный
Мыслей бег моих прервал.
Да, коварен час полночный...
Только снайпер сплеховал –

Выше пуля пролетела,
В нашем доте без потерь.
Значит, брат, такое дело:
Долго будем жить теперь!

В Грозном полдень

В Грозном полдень. Передышка.
Здесь война лишь по ночам.
Посиди со мной, братишка,
Отдых дай своим плечам.

На закате вновь к бойницам,
К первой – ты, я – ко второй.
Не сомкнуться бы ресницам.
А пока глаза прикрой,

Не гляди с тоской на горы,
Отрешись от передряг.
Пусть приобские просторы
Вспомнятся тебе, земляк.

Крики чаек над водою,
Самоходок зычный бас
И рассветы над тайгою.
К чёрту Северный Кавказ!

Он и так ночами снится,
Словно я не засыпал:
В небе трассеров зарница,
В чёрной дымке перевал...

А пока что передышка.
В Грозном полдень, как в Москве.
Помечтай со мной, братишка,
О родимой стороне.

Деревья в Грозном скорбно молчаливы

Деревья в Грозном скорбно молчаливы,
Хотя всё реже перестрелки и бои.
На чёрные от гари ветки сливы
Не прилетят весною соловьи.

Немногие черешни, абрикосы
В апреле пышным цветом оживут.
Кислотный дождь роняет щедро слёзы,
Которые нещадно землю жгут.

Простреленный навывлет кипарис
Затягивает раны клейким соком,
А среди гильз расцвёл вчера нарцисс!
И... радостью пробило, словно током.

Дворовый пёс

Дворовый пёс – такой же ветеран,
Коль две войны чеченских пережил.
На шкуре шрамы огнестрельных ран,
А в декабре Полкан контужен был.

Он и теперь на уши туговат,
Досталось – раньше срока одряхлел.
Но всё-таки дворняга страшно рад,
Что в этой бойне чудом уцелел.

Мама, здравствуй

Мама, здравствуй, ты писем от сына
Из Чечни слишком часто не жди.
За стеной, закоптелой от дыма,
Шелестят по руинам дожди,
Когда я для тебя эти строчки
За столом у свечи тороплю.
За корявые буквы и точки
Извини, я почти уже сплю.
Полчаса, как вернулся из дота,
Из промозглости здешних ночей.
Сном волшебным забыться охота,
А проснуться в краю кедрачей.
Чтоб тебя, и жену, и сынишку
Поскорее увидеть, обнять,
И от грозненской пыли отдышку
Лишь в кошмарах ночных вспоминать.
Срок придёт... И домой эшелонем
Из Моздока к Югорской земле
Я вернусь, к переулкам знакомым,
К берегам Иртыша и к тебе.

Минувшей ночью снова был обстрел...

Минувшей ночью снова был обстрел...
«Двухсотых» нет, за это выпьем чарку.
Не дремлет первый временный отдел,
Югорские ребята держат марку.

А впрочем, расслабляться недосуг:
Тревожны дни, ещё тревожной ночи.
В висках от напряжения крови стук,
И ближний взрыв бессонницу пророчит.

Глядит луна в провалы этажей,
Над Сунжею крадётся, как воровка.
Слышна лишь переключка рубежей:
«Заря», на нашем в норме обстановка».

Кровоточит над Грозным рассвет

Кровоточит над Грозным рассвет,
Снова ночь унесла чьи-то жизни.
Кто сегодня? Иван или Ахмет?
Чьим родным приготовиться к тризне?

Смерть в Чечне так легко угадать –
Всем понятен язык перестрелки:
Замолчал автомат – знать, опять
«Некомплект» на ближайшей поверке.

Так ли важно, на чьей стороне?
Здесь Фемидой – закон рикошета.
Может, завтра, скорбя обо мне,
Ночь умоется кровью рассвета.

До Сургута литерным составом

До Сургута литерным составом
Из Чечни всего лишь суток пять.
Мы ещё вполне в рассудке здоровом,
Но уже устали воевать.

Хочется домой, к родным рябинам,
Тут лукавить глупо, ни к чему.
Скоро май, земляк, и... по машинам –
К кедрочкам, в югорскую весну.

Мимо блокпостов до перевала,
Дальше через Терек и в Моздок.
Перекур. Посадка. И с вокзала
Литерным. На северо-восток!

На чужбине только две отрады

На чужбине только две отрады:
Баня да из дома письмецо.
Даже «премиальным» так не рады,
А письмо – тут радость налицо!

«Здравствуй, милый!
Как ты в этом Грозном?..»
И глаза предательски блестят. –
Ждѐшь меня! И значит, невозможно
Умереть – пополнить павших ряд.

Вы пишете, милые, почаще,
Не грустите, что ответа долго нет.
Верьте, нет желаннее и слаще
Ничего нам, чем ваш ласковый привет!

По развалинам месяц щербатый скребѐтся

По развалинам месяц щербатый скребѐтся,
Тусклым когтем царапает уголь стропил,
Я сегодня в отгуле, так что мне неймѐтся,
Что не спится, ведь полночи час наступил.

Тихо вышел под звѐзды, хоть зябко и сыро,
На созвездья чужие смотрю я с тоской.
Горный ветер Чечни дует властно и стыло,
Да урчит заунывно в траве козодой.

Долго выстрелов нет... Оттого и бессонно
Пью глазами разлитый в ночи Млечный Путь.
Лишь ракеты, одна за другой, монотонно
Режут траур войны... Не уснуть. Не уснуть.

Стальное горло автомата

Стальное горло автомата
От жгучих пуль раскалено.
Щелчок запала, и граната
Летит в разбитое окно,
Откуда выстрелы бандиты
Ведут по нашим рубежам.
Затихли, вроде, ваххабиты,
Знать, получили по ушам.
На час укроются в подвалах,
Чтоб совершить святой намаз,
И вновь стрельба в ночных кварталах,
В который раз, в который раз...

Бой окончен

Бой окончен. Глотни тишины!
Ты её заслужил, мой братишка.
Это тоже награда войны.
К сожалению, редкая слишком.

Но пока перемирия власть –
Пей до дна каждый миг передышки,
Чтобы вновь к автомату припасть
По сигналу взметнувшейся вспышки.

Жене Светлане

Я по тебе соскучился

Я по тебе соскучился, как птица,
Спешащая на север по весне.
Разлука наша четверть года длится,
И встречи наши только лишь во сне.

Ты, верно, тоже сильно стосковалась
И, засыпая, молишься: «Вернись!»
Всего неделя в Грозном мне осталась,
И я вернусь, любимая, крепись.

Военным самолётом из Моздока
К тебе на милый север прилечу.
Ты встретишь меня жарко у порога,
И я твою кручину излечу!

До глины содрана войной

До глины содрана войной
Дорог асфальтовая кожа,
Исходит смехом надо мной
Луны ущербной злая рожа.
Слегка фантазии – и вот
Уже мерещится Хаттабом...
Промозглый ветер вдоль дорог
Опять сочится трупным смрадом,
Крадется вслед голодный кот,
Минуя адские растяжки.
Я – на посту, но видит Бог –
Не отказался бы от фляжки,
Чтоб жгучим спиртом отрезвить
Войной отравленную душу,
И русским матом окрестить
Чеченских гор гнилую стужу.

Созвездий свет в дыму зачах

Созвездий свет в дыму зачах,
Темно и сыро в тесном доте.
Как первобытный смерти страх,
Чеченский мрак тяжёл и плотен.
«Калаш» покоится в руках, –
Нацелен в шорох подворотен,
Ему неведом звон в ушах,
И сердца стук ему не сроднен...

Гудит перестрелки ночной тетива

Гудит перестрелки ночной тетива,
Мчит пуль смертоносная свита,
Айвовая ветвь, что вчера расцвела,
Бездушным осколком убита.

Дай Бог по утрам досчитаться друзей,
Чтоб все были здоровы и живы,
Чтоб ворох погибших айвовых ветвей
Мне класть не пришлось на могилы.

Деревянная старушка

Деревянная старушка
Грустно смотрит на закат.
Здравствуй, милая избушка,
Воротился твой солдат!

Дворик, низкое крылечко,
Домовитый дух сеней...
Спелым жаром встретит печка,
Столь родимым с давних дней.

В уголке лампада светит,
Богородица и Спас
По-родительски приветят –
И возрадуюсь тотчас!

По широким половицам
Я к божнице подойду –
За Отчизну помолиться
И за русскую избу.

Сыну Фёдору

Под чужими звёздами Кавказа

Под чужими звёздами Кавказа,
На чеченской огненной земле –
Далеко не воину спецназа –
Побывать, сынок, пришлось и мне.

Много раз бывал я под обстрелом,
Но молитва мамы сберегла,
Даже рикошетом не задело.
Рисковал, но смерть не обожгла.

Да, я видел смерть, и видел слёзы,
И по дому часто тосковал.
Снились мне сибирские берёзы
И угрюмый Мужевский Урал.

Как бы я желал, чтоб ты, сыночек,
В жизни никогда не воевал.
Я не избежал «горячих точек»,
Но хочу, чтоб ты их избежал!

Семь лет уже прошло...

Семь лет уже прошло... Забуду ли? – Едва ли,
Как от усталости мы чуть не засыпали,
Как под обстрелом в полный голос матерились,
А после шёпотом Всевышнему молились,
Что Он простил в тот час солдатам эту слабость
И не доставил ваххабитам злую радость
Нас одолеть в бою, в трофей отрезать уши.
Для покаяния сберёг Он наши души.

Мария Чудесникова

г. Москва, Россия

Быть или не быть

Быть или не быть, решать не мне, а Богу
Распятие у сердца и молитва с губ.
Я выбрала, наверное, дорогу,
Которую не выбирала вдруг ...
А бог решил, какой тропой идти мне
И по каким ухабам ковылять...

Смешно смотреть на судьбы, что вершим мы
Не веря в то, что нам дано решать ...
Притворство взглядов, жестов изваяния,
Обманов вера и любви подлог ...
Что наша жизнь? Простое заклинанье
И страх, ступить босыми за порог ...

Неизвестному автору

Я тебя нашла случайно,
По страницам скупым скользя.
Ты моя неразгаданная тайна,
Я – забытая грусть твоя...

А быть может, друг друга не знали мы,
Может просто приснилось мне,
Как вдвоем мы однажды сбежали
Ото всех по пурпурной волне

Переливчатых снов и закатов
В тихий шелест ночных садов...
Или это грозы разряды
Задавали мотивы слов,

Из которых мы ткали небо
И в которых топили себя ...
Ты моя позабытая небыль,
Я же – тихая грусть твоя ...

.....
Эти строки мне только приснились,
Тронув душу мою слегка ...
Я в слова твои грустно влюбилась ...
... прочитав про твои острова ...

Думы

Белый снег, словно белый пепел,
Закружил все хмельные мысли,
На вопрос мне простой не ответил...
Промолчу - так бывает в жизни ...

Что случилось с простой дорогой?
Может, кажется, может ...Просто
Я не знаю. Мне, как и многим,
Глупой кажется даже мысль,

Что терять этот мир не страшно ...
Страшно! Страшно теряться в свете ...
На вопросы опять молчаньем
Мне ответит бродяга-ветер...

Бесполезным кажется время

Бесполезным кажется время,
Если мы на минуты делим
Все, что раньше разбить не успели,
Все, что раньше было и не было...

Ты же знаешь – любовь рифмуется
С очень непохожими в ритм словами...
Может, это наш язык балуется,
Укрывая за смехом тайны?

Улыбнись! Мир другой, чем кажется,
Даже больше, чем это чудится.
Я люблю! А быть может, станется
И чудным вкус любви почудится.

Грусть

В вечеру немой фонарь грустит,
Ветер по двору листву гоняет,
Месяц затуманенный блестит,
Ну, а мне тебя лишь не хватает ...

Есть махровый кот – прилег у ног,
Интернета байты пробегают
И стихов полночных кривотолки -
Бередят мне душу, разрывают.

Ночь пуста, когда не скрипнет дверь,
По полу не бродят тихо тени.
Понедельник, осень на дворе,
Кот-мурлыка – лоботряс-бездельник,

Одиночество и блюз из всех щелей...
Тихая грустинка зацветает.
Неуютная, холодная постель,
Когда мне тебя под вечер не хватает ...

О былом

Влечению не верю. О былом
Нет грусти ... что-то не случилось.
Я заблудилась в облаке пустом ...
И мне моя, наверно, жизнь приснилась.

Все как-то мчится, не имея суть...
И я любить, наверно, не умею ...
Но видит Бог, что я потом вернусь,
Не смея повернуться прочь, за твоей дверью

За окнами кружит земная грусть
В снежинки замораживая веру...
Ты исчезаешь за мгновение ... ну и пусть!
А я в надежду, все же, верю.

В вино кровавое я боль свою спущу,
И терпкий вкус наполнит мое имя ...
Мы будем вместе! Но, о том грущу,
Что не поймет нас этот мир - такими ...

Нас в этом мире становится меньше

Нас в этом мире становится меньше и меньше -
С каждой зимой, с каждым мигмом капризного снега.
Но, чтобы сделать весь мир на мгновение проще,
Мы с тобой конструируем сложные планы побегов.

Неудача печалит, а встречи летят, словно письма
Ветром сброшенных листьев с березы до стога уставшей.
Мне так хочется верить, что я тебе не безразлична,
Но мне от противоположных мыслей становится страшно.

Ночь за окном. И прошедшее время устало,
Словно кошка, заглянет в глаза и укроется в серые тени.
Нас с тобой в этом мире, до боли, становится мало.
Но не грусти. Может в будущем лето да что-то изменит.

Ночью

Под луной, засыпая кошкой,
Я придумую сотни сонетов.
Я придумую!.. нежно очень,
Словно в губы возьму конфету
И распутаю вкус по строчкам.
В каждой звездочке спрячу нотку.
Я люблю тебя ... слышишь? ОЧЕНЬ!

Те минуты пролиты светом
На мои и твои ладони.
Я придумую очень тихо,
Как по снам проскользну я кошкой,
Как в минуты я мила сдвину,
Как тебя я у снов похищу ...
Я любить тебя не устану!
Я надеюсь, ты это слышишь ...

А за окнами, снова тайной,
Тихой, звездной приляжет осень
На мои и твои ладони.
Я люблю тебя ... очень-очень!
А ты спи, спи любимый очень.

Скажи

Скажи, ты видишь цветные сны?
Ну не молчи, я же вижу – видишь.
И как листвою занесены
Все те слова, что ты ненавидишь.

И как разлукою, словно сном,
Пригнуты снегом твои печали.
Я знаю, все бросишь «на потом»,
Лишь бы сейчас не донимали.

Я знаю! Делаю только вид,
Что ничего-ничего не знаю.
Но вижу, как же душа болит,
Которую раньше не замечали.

Ты скажешь: «глупость – цветные сны»,
 А я все ж верю, что ты их видишь.
 Молчи. С тобой мы обречены
 Скрывать все то, что ты ненавидишь.

Терпение

Терпи, мой друг! Терпенье – благодетель...
 Нам бог разлук пропел, что жизнь идет
 И без любви мы не живем, а бредим ...
 Но мы не знаем, что же ТАМ нас ждет.

Мы можем только предсказать что будет,
 Но несбываемо то, что, увы, не ждет ...
 И только бог заблудший нас с тобой осудит,
 За то, что предсказали наперед

А я хочу любить тебя такого –
 Как ты бываешь в тишине ночной...
 Как ты умеешь – не сказав ни слова,
 Сразить мгновеньем – меченой стрелой...

А я хочу любить тебя и верить,
 Что не для этих буден созданы!
 Мой тихий Бог, я за тебя в ответе –
 За те минуты, что тебе даны,

За те мгновенья, что тебе дарила
 И за преданья, что тебе ткала ...
 Я прошепчу твое, губами, имя ...
 И на ладони протяну себя ...

Хочешь?

*Уж лучше бы ты сердце отдала,
 Кому-нибудь, за что-нибудь в награду...
 (Сергей Глухов «Мне кажется, что ты меня ждала...»)*

Хочешь, я приду к тебе прямо сейчас,
 Вся как есть... лишь халатик светлый...
 Эта лунная ночь будет только для нас...
 Я исчезну с лучом рассветным.
 Хочешь, я приду, когда на море шторм,
 Волны бьются о берег с размаху...
 Не спеши, я надолго и это не сон...
 Ты не рви второпях рубаху...
 Хочешь, я приду к тебе в солнечный день,
 Не стесняясь, не прячась от взглядов...
 Я приду... я хочу... и мне вовсе не лень...
 Только б знать, что же будет в награду...

Устала

Уже закат и силы на исходе ...
И взгляд не тот, походка не легка ...
Струна разорвала аккорд на взлете,
Разрезав звук касанием смычка ...

Года летят ... срываться я устала.
Как никогда, огонь теплом роднит
Мой томный взгляд с оттенками хорала...
Под храмов свод моя душа летит ...

Я так устала. Плечи надломились
И крылья волокуются – не поднять.
Я так устала ... мы с тобой влюбились?
Нам просто хорошо двоим бывать.

Хрусталь росы

Хрусталь росы поймают твои губы,
В глазах печальных отразится небо.
Не надо слов, таких до боли грубых.
Нам надо в этом мире отогреться.

Не преломляй крыла из белых перьев -
Легчайший взмах развеет твои грусти.
Пусть на пути прощенья ты не первый,
Но небо навсегда в полет отпустит.

Летать свободно и ходить свободно,
Не это ль главная надежда твоей жизни?
Мой грустный ангел, пусть таким безлюдным
Ты видишь этот мир теперь отныне.

Луч фонарный

Этот луч от фонарной сосульки,
Оторвался и плюхнулся в лужу ...
Так боялся он выглядеть глупо ...
Улыбнись. Вдруг, нагнись, обнаружу,
Что не «зайчик» тут выглядит глупо,
А мое отражение нелепое ...
Луч фонарный смеется и, лупою

Лужных стекол, его отражение
Прыгнет на мои щеки усталые,
Вдруг уколёт, а мигом – позднее чуть,
Заберется в глаза хрустальные ...
Сквозь усталость и я ему улыбнусь.

Бегу от судьбы

Я бегу от судьбы, прикрываясь резными стихами.
Мне вослед воронье - так насмешливо каркает. Пусть.
По порогам людским, обивая застывшее пламя,
Я обжечь свои пальцы об холод его не боюсь.

Мне судьба начертала дорогу до боли кривую –
По ухабам, по склонам карабкаться – ноги в крови.
Но другой не хочу – приняла жизнь за праздник – такую,
И теперь по углам собираю осколки любви.

Пусть они как песок, через пальцы скользят. Просыпаясь,
Кружевами стихов перепишутся мысли в слова.
А я снова сбежать в переулки глухие пытаюсь.
Моя жизнь - как костер, на котором сгорела душа.

Когда женщина плачет

Когда женщины плачут?
Когда в осень из лучшего лета,
Когда сердце лучиной согрето,
Они своих слез не прячут.

Когда женщины плачут?
Когда безнадега стучится,
Душа тонкой нитью сучится,
И боль свою глубже прячут.

Когда женщина плачет?
Ты никогда не узнаешь,
Ведь слез ее не разделяешь ...
Она жизнь впустую тратит ...

Она, улыбаясь, плачет...
Ты видишь – она смеется!
Пусть болью любовь отзовется...
Она в слезы боль свою прячет.

Наталья Эрбес

г. Тюмень, Россия

Вновь за окном показывают дождь

Вновь за окном показывают дождь,
Как сериал бразильский бесконечный.
Калачиком свернулся кот беспечный -
Не любит сырость, что с него возьмешь.

Пойду под дождь и появлюсь в окне,
И стану героиней сериала.
«Как хорошо ты эту роль сыграла!» -
Восторженно соседи скажут мне.

«Тянула ты носок, держала спинку,
И шлёпала по лужам так изящно!
Да, ты была актрисой настоящей
С намокшими деревьями в обнимку!»

Жаль, ты не видел. За окошком дождь
И ты, по всем приметам, не придешь.

Если любишь

Я к тебе не приду, чтобы молча стоять у порога,
В пол глаза опустив и не зная, что будет потом.
Вдруг меня ты не ждешь, и напрасно бежала дорога
вне навстречу, виляя огромным змеиным хвостом.

Я к тебе не приду, пряча стыд свой в карман неглубокий,
из которого он обязательно будет торчать –
неказистый, неловкий, угрюмый и кособокий,
он на нашем свидании поставит кривую печать.

Я к тебе не приду, ты заплаканных глаз не увидишь.
Если любишь, то сам отыщи меня в тесном миру

Танец на углях

На побережье, у ресторана,
Не чуя боли, забыв про страх,
Под звуки гайды и барабана
Танцует женщина на углях.

Она из Странджи. Она болгарка.
Национальный надев наряд,
Танцует истово нестинарка,
А угли рдеют и чуть горят.

Скажи, сестренка моя славянка,
Какие силы тебя хранят?
«Ногам прохладно, а сердцу жарко...
Я выполняю святой обряд»

Влад Павловский**Слушай теплое сердце и следуй за ним**

Слушай теплое сердце и следуй за ним
По реке, что под ласковым солнцем блеснит,
Никогда никого ни за что не вини,
Если боль нестерпима – слезу оброни,
Никого не вини, а пойми и прости.

Благодарной улыбкой рассветы встречай,
На закаты легко и без грусти гляди,
Не ищи для себя одинокий причал,
Слишком скоро там душу отравит печаль,
Не желает покоя живое в груди.

Ты - ветра в паруса моему кораблю,
Даже если о прошлом слегка загрустишь,
То чарующим звездам о нас вострублю -
Я тобою любим и тебя я люблю!
Слушай теплое сердце, малыш.

Марина Чекина**Холодно**

Холодно... Это колдует мороз за окном,
Градусов десять, гневить не положено бога.
Но захотелось под землю укрыться, как гном,
И возле горна согреться хотя бы немного.

Кузница гнома – не радость, скорее, тюрьма...
Что ж мы – дошли до конца, до предела, до точки?
Холодно... Это колдует над телом зима,
Душу терзая в телесной живой оболочке.

Холодно, холодно... Слёзы стекают с ресниц,
Не замерзая в связи с концентрацией соли.
Строчки когтями впиваются в кожу страниц,
Усугубив остроту подступающей боли.

Холодно... Как же стараюсь поверить в тепло,
В солнечный свет согревающий, вплоть до ожогов,
Чтобы, совместно с природой, с души отлегло –
Сжалась в скукоженном теле, дрожит – недотрога...

Отторжение

Как будто на круге гончарном оплывшая глина,
Так рушится целостность жизненной твёрдой позиции,
Когда не слагаются связные строки в былинку,
А словно былинки, крошатся труды и амбиции.

И кланчишь забвение, словно небесную манну.
Сама же себя застаёшь, как над вещью ворованной,
Как будто внезапно, случайно, врасплох и нежданно,
Над стопкой белья, что останется впредь ненадёванной.

Такие судьба выдаёт вензеля и коленца,
Такие зигзаги в дотоль равномерном движении:
Остался крючок, но на нём не висит полотенце –
Добротность вещей вызывает в душе отторжение...

Надежда Цыплакова

Если ты со мной...

Август лету напоследок
Щедрый день припас –
Одарил плодами с веток
Яблоневого Спас.

Как анисовкою спелой
Пахнет вдоль села!
...Что же мне такое сделать,
Чтоб со мной была?!.

Набухают вереницы
Облаков дождем,
Там, за речкой, у криницы
Ждет тесовый дом,

О котором мы мечтали
Летом в шалаше.
Тальники затрепетали,
Ветер в камыше.

Дождь у неба солнце выкрал,
Спрятал за бугром...
Если мы погромче крикнем,
Приплывет паром!

Мокрый ветер лижет кожу,
Речка дождик пьет...
Знаешь, если ты поможешь,
Мы построим плот!

Ты вздохнула за спиною...
Не грусти – оставь.
Если ты ещё со мною,
Мы рванемся вплавь!

Марина Новикова

Мужчина ты

Мужчина ты. Ничтожен и велик.
Лишь шаг от сутенёра до султана,
От рыцарских доспехов - до сутаны,
От роскоши - до нищенских вериг.

Рождается в любви младенца крик,
Безоблачны проказы мальчугана,
Но жизнь конечна и полна обмана,
Осмотришься - а ты уже старик.

Удобна, широка дорога в ад,
Путь к райским кушам крут и эфемерен...
Не перспективы путников страшат,

А в алых красках сумрачный закат.
Но будет миг, что нам с тобой отмерен,
Единственной из стоящих наград.

Искушение

На распутье стоишь? Помогу тебе выбрать дорогу.
Два пути пред тобою, но первый опасен и крут.
То ли дело второй - он широк и под стать полубогу,
Он ведёт в мой чертог, где веселье и счастье живут.

Неужели ты выберешь ночи в холодной пустыне?
Неужели захочешь бороться, служить и страдать?
Предлагаю любовный огонь, что вовек не остынет,
Насладенья восторг - разве это не есть благодать?

Предлагаю богатство и славу, и власть над толпою,
Ты достоин, ты лучший! Прильни к моему роднику!
Посмотри мне в глаза! Обласкаю тебя, успокою,
Одарю как царя, очарую, от бед отвлеку.

Не противься судьбе и природе, дай волю желанью!
Я тебе обещаю все прелести страсти земной.
Повелишь - и я буду тигрицей иль трепетной ланью,
Я могу быть царицей, рабой... Упивайся же мной!

Ты - сын Бога, герой! Ни к чему тебе смертных законы.
Так предайся блаженству и неге, живи, не скорбя.
Посмотри мне в глаза! И с улыбкой Медузы Горгоны
Овладею тобой... растворю... уничтожу тебя!

Красивая, печальная, хмельная

Красивая, печальная, хмельная,
С поникшей хризантемой на плече,
Она брела по городу, не зная,
Куда идёт, откуда и зачем?
Она была немислимо одета:
В вечернем платье, в огненном венце.
Улыбка - что фальшивая монета -
Заплатой на заплаканном лице.
Уловка, чтобы сдерживать рыдания,

Что, впрочем, плохо удавалось ей,
И первые приметы увяданья
При этом становились лишь видней.
От скорбной влаги щёки холодели,
А слёзы всё текли. За ними вслед
Текли часы, струились дни, недели,
Впадая ручейками в реки лет.
И был весь мир омыт её слезами,
В её зрачках века отражены...
Шла Осень с обречёнными глазами
Бесплодной и стареющей жены.

Валерий Пайков

Голоса

Испанцы, пойте!
Риму нет границ.
В молчании низвергнутого Рима
напоминанье: время обратимо
со сменой мест
и обновленьем лиц...
О голоса, дерзнувшие звучать!
О вечный бой жестокости и веры!
О жизни многоликие химеры
хранящие бессмертия печать.

г. Пальма де Майорка

Сергей Ворошилов

На перроне

Бежит состав.
Мелькают за окном
в колёсном ритме сёла,
полустанки,
церквушек развалившихся останки
и новостроек серых
домино.
Кружится в танце сирость деревень,
вальсируют лужайки и покосы,
выводят па
пасущиеся козы
и яблони, обнявшие плетень.

Далёкий трактор,
будто муравей,
ползёт по грязи к непонятной цели.
Похож упрямец этот, в самом деле,
на нас самих,
он нашенских кровей.
Вот скорый поезд
замедляет ход,
и, презирая вечные запреты,
спешит продать еду
и сигареты
проезжим предприимчивый народ.
К вагону
в повседневных сапогах
трусит старушка бодрыми шагами.
Её корзинка пахнет пирогами,
баул - дымком копчёного сига.
А в десяти шагах,
войдя в кураж,
играет дед
«Прощание славянки».
Терзают пальцы клавиши тальянки.
Разносится
любимый с детства марш.
На службу провожают
пареньков,
успевших отхлебнуть из горькой кружки.
Сквозь слёзы
сыплют шутками подружки,
касаясь их постриженных висков.
Дай бог вам доброй службы,
пацаны.
надёжных командиров в деле ратном
и возвращенья к матерям обратно,
не испытай беспамятства войны.
Перрон качнулся.
За окном гроши
считаются:
до них народ не жадный.
Хотя он внешне скроен
и нескладно,
но, изнутри,
я знаю, крепко шит.

Оксана Кукол

Я буду ждать...

Я буду ждать тебя в Ершалаиме,
На площади, у раскалённых стен,
Среди побитых молью тёмных тел,
Среди ненужных устаревших тем.
Я буду ждать как чуда у святыни
Тебя, чьё имя - радости предел...
Нет, беспредел! Как местный дурачок,
Являться буду каждый Божий день
На место казни жаркого полудня,
С улыбкой проигравшегося плутня,
Как кости, обречённо бросив тень
На камни... И каприччо ветерка
Твоя разбудит лёгкая рука.

Ольга Королева

Воробей

Мой праздник начинается во сне,
Где ты со мною рядом – но воочью
К тебе не подойду ни днем, ни ночью...
Я стану воробьем в твоём окне.

Пускай мой мир – балконный парапет;
Но мне пирог достался, а не крошки.
Ты – солнце в зимней стуже, а дележке
Не подвергают воздух или свет.

Гардины заломившейся парчу
Рассеянно поправив над геранью,
Заметишь, что я здесь – и мне свиданье.
Но только приглядишься – улечу.

Содержание

Абайкина Ольга

Тепло Покрова – роздых до зимы	5
Глазами, что цветущий лён	5
Какая-то любовь пыталась сниться	6
Не стало легче, горшмен не стало	7
На город ночь легла изнемогая	7
Я не могу, пойми, слагать тоску	8
Я не спала, как две зимы назад	8
Улыбкой небо залатаю	8
Я не забыла боль души	9
Я играла словами, иглос	10
Время чёрно-белых фотографий	10
Когда судьба ступает королевой	11
Не в силах вынести потерю	11
Когда душа поёт, смолкает музыка	12

Батраченко Виктор

Словесных неточностей скрытая суть	13
Полегликовыли	13
Расплачиваться надо	14
Триста поцелуев до рассвета	14
«День уходящий притих...»	15

Судьба волчат	15
Память дарит слова	16
Нехватает чего-то	16
Отсудьбы не улетим	17
Они сегодня – лишние	17
Повторяется всё	18
Проворонил	18
Раскопки в Дубовке	19
Проигранные дни	20
Птица Гамаюн	21
Жизнь-прогулка	21

Бондарь Виталий

Из цикла «ЭХОСЛОВ»	22
Прошлогодние письма	23

Бузычкин Сергей

Осень в сердце	24
Она сидит за столиком в кафе	25
В твоём бокале – мерло	25
Баллада старого менестреля	26
Посвящение И.С. Баху	27
Panta rei	27
Знаю, это невашем стиле	28
Астраханский пейзаж	29
Когда Автор жжёт...	29
Не пишите, мальчики, сонетов	30

Виноградова Елена

Дождалась	31
Ой, да что это я	31
Сноватени синие	32
Виновата	33
Золотая осень	34

Домовпотухшие глаза.....	35
Продается.....	35
Ну что ж... ..	36

Глухов Сергей

Я твое лицо - изучил в деталях.....	37
Испив до дна.....	37
Госпожа Неизвестность.....	38
Я не люблю пустыеразговоры.....	38
Курс доллара заметно сник.....	38

Игнатьева Татьяна

Собаки лают – караван идёт.....	39
Слышишь, милый, к нам опять стучится осень.....	39
Расскажи, Гамаюн, как рождается окозари.....	40
В пылу потерь, не потеряй урок.....	40
Прости мне, осень-недотрога.....	41
Прыжок мангуста.....	41

Лупооков Александр

Мама.....	42
Последний путь.....	42
Водокреци.....	44
Медведь и роза.....	45
Эратó.....	45
Коротышки.....	46

Марта Эй

Просто история.....	48
Песня.....	48
По другую сторону стола.....	49
Как горько видеть журавля... ..	50

Марусенко Мария

От любви до любви.....	51
До бессмысленности осмысленных фраз.....	51
Под музыку водосточных труб.....	52
Яиду неспеша.....	52

Михайлин Вячеслав

В декабре, как в декабре.....	53
Фиалка.....	53
Дятел.....	54
«После бала».....	54

Михайлов Евгений

Я–ретроград!.....	56
Мы быстро выросли... ..	56
Коснувшись струн... ..	57
Искупи мою боль... ..	57
Веселый рыцарь.....	58
Стая.....	58
Живой не в моде!.....	59
Уезжаю, друзья, уезжаю.....	60

Михайлова Татьяна

Вобрать в себя подлунный волчий вой.....	61
Здравствуй, дождь неурочный!	61
Мастер	61

Нелюбова Юлия

Предснежное... ..	62
54 слова о... ..	62
Воздушнозмейное... ..	62
Кораблик бумажный	63
Повезло	63
Длиною ю жизнь	63
Как радостны сегодня небеса	63
Стою у закрытой двери	64
Я жду тебя	64
Мы смешные, мы как дети	64
Скажи, что всё незря	65
Я предлагаю ночью босиком	65
Вешнее	66
...для тебя	66
Банальное	66

Павлова Анна

Васильки	67
Осенняя пора	67

Рябова Анна

Размышленья	68
Знал бы он	68

Соколова Светлана

Старый чердак	69
---------------------	----

Хомечко Игорь

Мама, мама, опять война!	70
Кресло. Черный Кофе.	
Монитор	70
Реквием для бемоля	71

Черкашин Павел

В Вечню	72
Грозный в зареве пожара	72
В Грозном полдень	73
Деревья в Грозном скорбно молчаливы	73
Дворовый пёс	74
Мама, здравствуй	74
Минувшей ночью снова был обстрел	75
Кровоточит над Грозным рассвет	75
До Сургута литерным составом	75
На чужбине только две отрады	76
По развалинам месяц щербатый скребётся	76
Стальное горло автомата	77
Бой окончен	77
Я по тебе соскучился	77
До глины содрана войной	78
Созвездий свет в дыму зачах	78
Гудит перестрелки ночной тетива	78
Деревянная старушка	79

Под чужими
звёздами Кавказа 79
Семь лет у же прошло... 80

Чудесникова Мария

Быть или не быть 81
Неизвестному автору 81
Думы 82
Бесполезным
кажется время 82
Грусть 82
О былом 83
Нас в этом мире
становится меньше 83
Ночью 84
Скажи 84
Терпение 85
Хочешь? 85
Устала 86
Хрусталь росы 86
Луч фонарный 86
Бегу от судьбы 87
Когда женщина плачет 87

Эрбес Наталья

Вновь за окном
показывают дождь 88
Если любишь 88
Танца на углах 88

Избранное

Павловский Влад

Слушай теплое
сердце и следуй за ним 89

Чекина Марина

Холодно 89
Отторжение 90

Цыплакова Надежда

Если ты со мной... 90

Новикова Марина

Мужчина ты 91
Искушение 92
Красивая, печальная,
хмельная 92

Пайков Валерий

Голоса 93

Ворошилов Сергей

На перроне 93

Кукол Оксана

Я буду ждать 95

Королева Ольга

Воробей 95

Виктор Батраченко
Два одиночества

Зал ресторанный. Полумрак. Камин.
Я, как всегда, в углу сижу один,
негромко льётся «Yesterday» с эстрады...
Под музыку я устремляю взгляд
в своё вчера далёкое, назад -
туда, где мы друг другу были рады.

Который раз я вижу: у окна
сидится женщина, всегда одна,
пьёт красное вино - бокал, не боле...
За стёклами очков не видно глаз...
Дождь за окном. Пустует в этот раз
у самого окна стоящий столик...

Внезапно понимаю, что давно
мне эта дама, пьющая вино
неспешно, глубоко безразлична...
Пришла... Бокал вина... Сидит вавоём
в своих углах и каждый о своём,
вчерашнем думаем, сугубо личном.

Под «Yesterday» и под бокал вина,
наверняка, заметила она:
сидит в углу мужчина постоянно.
Не видно глаз за стёклами очков...
А может быть ей не до мужиков?
Так что ж свело нас в зале ресторана?